

**ИГОРЬ
АТАМАНЕНКО**

СТРОИТЕЛЬ

Эдита сумела настолько войти в доверие к японцу, что он открылся ей, что является японским дипломатом. Контрабандой и валютными операциями занимается ввиду крайней необходимости: нужны деньги для оплаты врачей, лечащих его ребенка. Японец посетовал, что долгое время пытается приобрести серебряный Константиновский рубль, за который готов отдать любые деньги. В этой связи он возлагает особые надежды на развитие отношений с Эдитой, как с работницей Гохрана, и готов выполнить все ее условия.

**ШПИОН
СУДЬБУ
НЕ ВЫБИРАЕТ**

Остросюжет

Игорь Атаманенко

Шпион судьбу не выбирает

«ВЕЧЕ»

2011

Атаманенко И. Г.

Шпион судьбу не выбирает / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Остросюжет)

В поле зрения Отдельной службы Комитета госбезопасности СССР попадает активный игрок «бриллиантовой биржи» Москвы по прозвищу Урюк, о котором его окружению известно, что он – житель Ташкента. Он оптом продает часы и дорогостоящую видео– и аудиоаппаратуру, доставляемую им из стран Юго-Восточной Азии, а на вырученные деньги скупает золотые монеты царской чеканки. Каково же было удивление сыщиков наружного наблюдения, когда Урюк, как к себе домой, зашел в... японское посольство! По указанию председателя КГБ Юрия Андропова начальник Отдельной службы генерал-майор Карпов с помощью агентессы экстра-класса Эдиты загоняет японца в «медовую ловушку». Задержанный с поличным, тот добровольно соглашается сотрудничать с органами КГБ в качестве секретного агента, избирает псевдоним Самурай...

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Глава седьмая	25
Глава восьмая	31
Часть вторая	33
Глава первая	33
Глава вторая	36
Глава третья	43
Глава четвертая	45
Глава пятая	48
Глава шестая	52
Глава седьмая	57
Часть третья	59
Глава первая	59
Глава вторая	62
Глава третья	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Игорь Атаманенко
Шпион судьбу не выбирает

© Атаманенко И.Г., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Предисловие

«Ищите женщину!» – поучали своих современников французские летописцы, пытаясь найти скрытую пружину несчастий рода человеческого в непреходящем влечении мужчины к женщине. Именно она, по их мнению, являлась первопричиной всех бед.

И, надо сказать, французские бытописатели близки к истине: главные героини романа – агентессы «Распутина» и «Черри» преуспели на поприще шпионажа.

Закономерен вопрос:

«А женское ли это дело – добывание секретов?»

Вот как отвечают на него известные в засекреченных кругах офицеры из иностранных спецслужб:

«...Еще полезнее иметь дело с женщинами-агентами, как порядочными, так и продажными. Они редко возбуждают подозрение и могут раскрыть тайну в такой обстановке, где мужчины оказались бы бессильными и недостаточно ловкими». И еще: «Тайна, которую нельзя узнать через женщину, по всей вероятности, так и останется тайной навсегда...»

Подтверждение этим высказываниям, оценке роли агентессы в деле добывания секретных сведений вы найдете на страницах этого беспрецедентного романа. Автор подробно, с поразительной откровенностью описывает все, что в деятельности секретных служб и их негласных помощников кажется таким загадочным и необъяснимым.

А также:

вам предоставлена уникальная возможность заглянуть в арсеналы спецслужб, где накоплены тысячи добровольно-принудительных способов заставить граждан «таскать каштаны из огня» – похищать чужие секреты;

вы откроете для себя новую Японию, страну «тотального шпионажа», где исторической традицией является добровольное стукачество, которым занимаются все от мала до велика;

вас, безусловно, впечатлит ловкость, с которой дочь генсека Галина Брежнева и жена министра внутренних дел Светлана Щёлокова зарабатывали миллионы, играя на нелегальной «бриллиантовой бирже»;

вы проникните в тайны супружеской жизни секс-символа СССР актера Олега Видова и светской львицы Натальи Федотовой, флиртовавшей с Фиделем Кастро и иранским шахом Резой Пехлеви;

вы постигните правила игры московских школьников – «русская ромашка», и узнаете ее отличие от забавы белогвардейских офицеров – «русская рулетка»;

вам откроются секреты злочных мест Парижа и Рио-де-Жанейро – царствия откровенного разврата и сексуальных извращений;

Наконец, вы узнаете, как народной артистке СССР Фаине Георгиевне Раневской удалось и отклонить предложение генерала КГБ вступить в Орден секретных осведомителей и завладеть квартирой в престижном доме на Котельнической набережной.

Часть первая «Медовая ловушка»

*È alta la passione verso Natalie Buk la,
è bassa la raggiont MIA...*

Глава первая «Экспроприация» драгоценностей

14 ноября 1980 года было совершено разбойное нападение на квартиру вдовы писателя Алексея Толстого, Людмилы Ильиничны, которая унаследовала от мужа немалое количество бриллиантов, антиквариата, подлинников полотен всемирно известных художников. В одночасье большая часть наследства перешла в руки налетчиков.

Но самой дорогой утратой оказалась уникальная, невиданной красоты французская брошь из коллекции Людовика XV, исполненная в виде королевской лилии, с огромным рубином в центре и тридцатью бриллиантами, образующими силуэты лепестков.

Поскольку версии об организаторах и исполнителях налета оказались несостоятельными, следователям ничего не оставалось, как вернуться к обстоятельствам, предшествовавшим ограблению.

Выяснились неожиданные подробности.

Накануне бандитского нападения Толстая была на приеме, устроенном румынским послом в Москве. Желая «под занавес» – ей было более восьмидесяти лет – блеснуть на публике, она надела фамильные драгоценности.

Поскольку до посещения румынского посольства Людмила Ильинична никогда прилюдно не демонстрировала свои сокровища, сыщики предположили, что кто-то из присутствовавших на дипломатическом приеме «положил глаз» на брошь, а впоследствии организовал ограбление.

Подозрение пало на Бориса Буряце, артиста цыганского театра «Ромэн», известного в криминальной среде под кличкой «Бриллиантович», который активно промышлял спекуляцией валютой и драгоценностями, да и вообще был нечист на руку. В тот злополучный для Толстой вечер он присутствовал на приеме.

Впрочем, Буряце захаживал в посольство, как к себе домой, так как был дружен с семьей румынского посла в Москве, жена которого также была цыганкой.

* * *

В конце 1981 года народной артистке СССР Ирине Николаевне Бугримовой было предложено участвовать в праздничном представлении по случаю годовщины Советского цирка. На торжество были приглашены избранные представители столичного бомонда, советской и партийной номенклатуры.

Все женщины, как водится, надели по случаю свои лучшие украшения. Но даже знающие толк в драгоценностях Галина Брежнева и Светлана Щёлокова, через чьи руки прошли сотни и тысячи самых изысканных ювелирных изделий, были поражены красотой «камешков» семидесятилетней дрессировщицы.

Коллекция Ирины Николаевны, о которой мало кто знал в Москве, специалистами была признана одним из самых лучших частных собраний драгоценностей не только у нас в стране, но и вообще в мире. Описание многих предметов коллекции присутствовало в каталогах самых престижных ювелирных магазинов Западной Европы и Америки. Дрессировщица получила сокровища в наследство от своих родителей, но никогда прежде не рисковала появляться в них на людях, опасаясь стать жертвой охотников за бриллиантами.

Бугримову постигла участь вдовы Алексея Толстого.

Вечером 30 декабря 1981 года все бриллиантовые украшения Ирины Николаевны исчезли из ее квартиры в высотке на Котельнической набережной.

...Злой рок преследовал обладательниц фамильных драгоценностей: однажды появившись на людях в бриллиантах, и Толстая, и Бугримова подписали себе приговор.

Предметы посягательств, обстоятельства, при которых о них стало известно окружающим, наконец, дерзость налетов подсказали сыщикам, что в обоих эпизодах организатором был один и тот же человек. И вновь, как и в случае с Людмилой Толстой, неосязаемые нити потянулись к столичной «бриллиантовой мафии» вообще и к Буряце, в частности.

Однако все попытки следователей прокуратуры Союза пригласить на допрос Буряце натолкнулись на непредвиденное, но чрезвычайно жесткое противодействие со стороны... Галины Брежневой.

Подозрения – не улики, и следователи, дабы избежать неприятностей по службе, прекратили разработку цыганской версии. До поры...

* * *

По решению, принятому на самом верху, оба преступления были объединены в одно уголовное дело, а само оно было передано в производство Комитету государственной безопасности.

Чтобы переломить ситуацию в свою пользу и успокоить столичного обывателя, Комитет через многочисленную агентуру распространил «контрслух» – сведения о якобы состоявшейся поимке злоумышленников.

Публикациям в газетах в то время мало кто верил, поэтому делалось все сугубо конфиденциально, по принципу «дойти до каждого»:

– Мариванна, вы слышали? Нет?! А ведь двоих уже взяли! Да-да, тех самых, ну, что артисток, того... Ограбили... Скоро суд, но только это между нами, Мариванна!

Эти два громких преступления, связанных с деятельностью столичной «бриллиантовой мафии», кардинально изменили отношение к ней председателя КГБ. Из безучастного оно стало более чем заинтересованным, и его ведомство принялось за дело засучив рукава.

Глава вторая «Бриллиантовые девочки»

Во времена правления Брежнева в СССР каждые 2–3 года происходило существенное повышение цен на ювелирные изделия из золота и драгоценных камней, причем сразу на 100–150 процентов.

Решение об этом принималось на заседании Политбюро, куда приглашался министр финансов СССР, и оно считалось совершенно секретным. Однако сведения о предстоящем подорожании не являлись прерогативой только чиновников высших государственных рангов.

...Еще за неделю-две до повышения цен дочь генсека Галина Леонидовна и ее подруга Светлана Щёлокова, жена министра внутренних дел Союза ССР, два самых крупных «камня» столичной «бриллиантовой мафии», скупали партии ювелирных изделий из золота и драгоценных камней на сотни тысяч рублей. Лучшие образцы оставляли себе, остальное перепродавали втридорога.

Фамилии предприимчивых «девочек» говорили сами за себя, поэтому они левой ногой открывали двери в кабинеты директоров самых крупных ювелирных магазинов Москвы: «Самоцветы», что на Арбате, и «Березка» на улице Горького. Но предпочтением пользовался «Алмаз» в Столешниковом переулке. Прежде всего, потому, что в конце 1970-х годов именно там, у входа в торговое помещение, находилась нелегальная биржа по купле-продаже золота и «камешков», где без перерыва на обед тусовались «бриллиантовые мальчики», которые, не торгуясь, скупали у подруг любое количество драгоценностей, извлеченных за минуту до этого из сейфа директора магазина.

Нередко подруги приобретали дорогие украшения непосредственно на московской ювелирной фабрике, что на улице Лавочкина. При этом они, как правило, не расплачивались, а оставляли расписки, немалое число которых было изъято позднее из сейфа директора при аресте.

Не брезговали «девочки» и банальной спекуляцией носильными вещами. Поставки товара осуществляла Лидия Дмитриевна Громыко, жена министра иностранных дел, постоянно курсировавшая между США и Москвой.

Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, она за один рейс умудрялась привезти такое количество шуб и прочей женской одежды, которого хватало, чтобы затоварить несколько столичных комиссионков.

А чего мелочиться, играть – так играть по-крупному!

Впрочем, деньги, и немалые, у Галины и Светланы водились всегда, источником коих была не только спекуляция драгоценностями и ширпотребом.

Испокон веков в Москву со всех концов страны приезжали тысячи обиженных и пострадавших справедливо или несправедливо.

Наивные правдолюбцы шли в приемную ЦК КПСС, Прокуратуру СССР, Верховный Суд. Искушенные и разуверившиеся – к Галине Брежневой и Светлане Щёлоковой.

Дело в том, что подруги могли способствовать принятию нужного просителям решения, даже не обращаясь к своим отцу и мужу. Они могли оказать покровительство и в освобождении от уголовного наказания, а нередко и содействовать назначению на некоторые посты в провинции. Зная это, все ходоки, обращавшиеся напрямую к Галине и Светлане, выкладывали на стол достаточное количество хрустящих аргументов с портретом Ленина для того, чтобы подруги тотчас принимались решать их проблемы. Они без усталости работали под девизом: «Все средства хороши, но лучше – наличные!»

Кроме денежных вознаграждений за протекцию, «девочки» получали массу подарков, которые им привозили из всех республик, краев и областей необъятной страны.

Ведь было же известно, что и генсек, а тем более глава МВД, патологически чувствительны ко всякого рода подношениям, а что же, их родные – дочь и жена – из другого теста? Да быть того не может!

В архивах Верховного Суда Российской Федерации хранятся протоколы допросов продавщицы буфета в столовой Центрального аппарата МВД СССР, которой министр Щёлоков **продавал** полученные в подарок элитные коньяки!

Брежневу и Щёлокову сближала не только неумная страсть к драгоценным камням, но и постоянный поиск полных опасностей приключений. Было в этих страстях что-то из книжек XIX века о пиратах, ставших маркизами. Галя и Света строили свою жизнь не по классикам марксизма-ленинизма, а скорее – по «Графу Монте-Кристо».

Ирония, а может, издевка судьбы состояла в том, что Галина Леонидовна была удостоена высшей награды Советского Союза – ордена Ленина, втихую преподнесенного ей в 1978 году как подарок к 50-летию юбилею.

Вручил награду член Политбюро, министр иностранных дел Андрей Громыко. Вернувшись из Нью-Йорка, где он участвовал в работе очередной сессии Организации Объединенных Наций, Андрей Андреевич прямо из аэропорта направился в Кремль и тут же был взят в оборот генсеком.

– Ну вот, Андрей, остались только мы с тобой, – сказал Брежнев, встречая соратника. – Принято коллективное решение наградить Галину Леонидовну Брежневу орденом Ленина, но все куда-то запропастились... Я, как ты понимаешь, не могу быть крестным отцом собственной дочери, так что награду будешь вручать ты!

Дело в том, что хотя на заседании Политбюро (Громыко на нем отсутствовал) члены и кандидаты единогласно проголосовали за награждение Галины Леонидовны, но в день торжества они так же единодушно и скоростно покинули Кремль...

...Авантюристки по натуре, Брежнева и Щёлокова вели бурную, разухабистую жизнь. Провернув очередную аферу с «брюликами», они отправлялись в заграничные вояжи вдохнуть тлетворного аромата гнивающего капитализма – уж больно был он дурманящий! И хотя появлялись они там инкогнито, но местным папарацци не составляло труда выяснить, «кто есть кто».

Подруги сами провоцировали репортеров светской хроники, появляясь в казино и других зланных местах в экстравагантных нарядах, расцвеченные драгоценностями, как рождественские елки – стеклянными шарами. А розовые чаевые, которыми «девочки» щедро одаривали гостиничную прислугу, швейцаров баров и ресторанов, равнялись недельному заработку квалифицированного рабочего таких концернов, как «ФИАТ» или «РЕНО»!

По возвращении на Родину пикники с шашлыками из осетрины чередовались с приемами в посольствах западных стран, куда Галину и Светлану неизменно приглашали как живые экспонаты Алмазного фонда. И дипломатические рауты, и выезды на пленэр заканчивались попойками со скандалами в столичных ресторанах «Метрополь», «Националь», «Узбекистан».

Интимные партнеры, – а у Галины, вдобавок, еще и мужа – менялись, как перчатки.

Достаточно назвать несколько известных имен: Евгений Милаев, Марис-Рудольф Лиена, Игорь Кио, Борис Буряце, наконец, Юрий Чурбанов... А сколько было безымянных, которые пролетали в жизни Гали-Светы, как пассажиры в электричке в часы пик!..

Разумеется, информация обо всех проделках тандема «Галя-Света» бесперебойно поступала к Андропову, но до поры оседала в его сейфе. Но известие об ограблениях квартир Тол-

стой и Бугримовой переполнило чашу терпения, и председатель КГБ решил, что наступила пора действовать...

Глава третья «Медовая ловушка»

Комитет госбезопасности давно держал на примете человека азиатской внешности, который представлял бесспорный интерес в вербовочном плане. И было из-за чего: азиат имел устойчивые контакты с ближайшим окружением дочери генсека и ее подруги, жены министра внутренних дел. Буряце называл его своим другом, хотя за глаза дал ему прозвище «Урюк». Он активно занимался продажей валюты и контрабандных товаров, в основном японской видео- и аудиоаппаратуры и часов, а на вырученные деньги оптом приобретал золотые монеты царской чеканки, ордена времен Петра Великого и других российских императоров, а также изделия с драгоценными камнями. И надо отдать ему должное – толк в приобретаемых предметах он знал.

Однако, хотя азиат регулярно появлялся на валютно-бриллиантовой «бирже» в Столешниковом переулке и имел обширные знакомства среди ее завсегдатаев, единственное, что о нем было известно «коллегам по цеху»: он – узбек, проживающий в Ташкенте, а в Москву наведывается для продажи валюты и купли драгоценностей.

...В Столешников переулоч были стянуты значительные силы разведчиков Службы наружного наблюдения. Каково же было их удивление, когда азиат вошел, как к себе домой, в... японское посольство в Калашном переулоч! Выяснилось, что спекулянт, ни много, ни мало – советник по экономическим вопросам посольства Японии в Москве Иосихису Курусу.

К японцу срочно подвели агентессу экстра-класса Второго главного управления «Эдиту», выступавшую в роли эксперта Гохрана. Она сумела заинтересовать объект не только возможностью купить у нее большую партию военных регалий петровских времен и старинных золотых монет, но, что важнее, собственной персоной.

Получив сведения о профессии японца, Андропов утвердился в намерении привлечь иностранца к негласному сотрудничеству с органами госбезопасности, поэтому агентурная разработка Курусу проводилась под жестким контролем председателя. Учитывая статус и особенности национальной психологии представителя Восточной Азии, Юрий Владимирович отдал указание завербовать его с использованием компрометирующих материалов.

* * *

«Эдита» сумела настолько войти в доверие к японцу, что он открылся ей: под большим секретом сообщил, что является японским дипломатом. Контрабандой и золотовалютными операциями занимается ввиду крайней необходимости: нужны деньги для оплаты врачей, лечащих его ребенка. Рассказал также о своих регулярных поездках в Токио, Сингапур и Гонконг для доставки в Союз часов, ювелирных украшений, аудио- и видеоаппаратуры. Проблем при перевозке больших партий товара у него не возникает, так как он обладает дипломатическим иммунитетом.

Японец посетовал, что долгое время безуспешно пытается приобрести серебряный Константиновский рубль, за который готов отдать любые деньги. В этой связи он возлагает особые надежды на развитие отношений с «Эдитой» как с работницей Гохрана и готов выполнить все ее условия.

(Справка: *Константиновский серебряный рубль, год чеканки 1825-й, изготовлен по недоразумению ввиду отсутствия информации о заведении императора Александра I. Констан-*

тин, следующий после Александра, сын Павла I, формально должен был унаследовать престол. Однако из-за того, что он состоял в неравном браке с польской дворянкой Иоанной Грудзинской, его дети не могли претендовать на царский трон. По этой причине Александр I незадолго до своей кончины подписал манифест о назначении наследником младшего брата – Николая. По мнению экспертов, в мире на сегодня сохранилось лишь шесть подлинных экземпляров Константиновского рубля. Но даже подделки, датированные 1859–1860 гг., не смущают коллекционеров. Цена одной монеты на аукционе Sotheby's в 1981 году достигала 100 тысяч долларов.)

В порыве откровенности японец с явным сожалением признался, что в Москве находится без жены, да и вообще истосковался по женскому обществу. Намекнул, что не прочь навестить агентессу на дому.

Следуя отработанной линии поведения, «Эдита» охотно подхватила эту тему, сказав, что непременно пригласит Курусу к себе в гости, как только муж уедет в командировку. Иностранец тут же поинтересовался, чем занимается ее супруг.

Агентесса простодушно ответила, что он работает геологоразведчиком, ищет алмазы и золото в Якутии, и поэтому часто уезжает в командировки...

В заключение японец пояснил, почему он заинтересован поддерживать деловые отношения только с ней – удобнее и безопаснее продавать контрабандный товар одному надежному посреднику, чем многим случайным покупателям. К тому же «Эдита», по его мнению, принадлежит к элитной группе государственных служащих, а это – гарантия безопасности их бизнеса, ибо она рискует не менее, чем он, и, значит, будет предельно осмотрительна и конспиративна в делах.

* * *

Когда о состоявшемся разговоре агентесса сообщила своему оператору – генералу Карпову – тот, следуя в фарватере намерений председателя, немедленно дал ей задание загнать азиата в «медовую ловушку», то есть установить с ним интимные отношения.

Решено было завлечь Курусу к ней на квартиру. Остановились на том, что делать это надо не спеша, подержав какое-то время иностранца на сексуальном карантине, – пусть созреет!

...Когда дипломат вновь вернулся из Сингапура с очередной партией товара и позвонил «Эдите», та ответила, что прийти на встречу не может, так как повредила ногу, поэтому в течение двух недель вынуждена будет сидеть дома. А в настоящий момент она лежит в постели голодная, так как муж уехал в длительную командировку и ей даже чаю некому заварить.

В подтверждение своих слов женщина расплакалась навзрыд в телефонную трубку. Японец и растерялся, и обрадовался одновременно. Помолчав секунду, – упоминание о постели задело за живое, к тому же ему недвусмысленно было сказано, что его вожака одна! – Курусу взял себя в руки и спросил, что же делать с привезенным товаром.

Будто не расслышав вопроса, агентесса, перейдя на шепот, добавила, что если Курусу-сан желает взглянуть на Константиновский рубль, то она может предоставить ему такую возможность – монета временно находится у нее дома.

Все сомнения мгновенно развеялись, японец прокричал в трубку, что немедленно берет такси и выезжает. Бросив трубку, он опрометью выбежал из телефонной будки. Вернулся, чтобы узнать адрес, а заодно поинтересовался, не будет ли «Эдита» возражать, если он захватит с собой пару бутылок шампанского...

Агентессе спешно забинтовали ногу, вооружили костылями. Макияж она наложила сама.

В сопровождении двух бригад «наружки» Курусу через двадцать минут подъехал на такси к дому. «Эдита» встретила японца, прыгая на костылях и морщась от боли. Извинилась за беспорядок в квартире – некому помочь. Минувя гостиную, проследовала в спальню и уселась на прикроватный пуфик...

...Свою роль агентесса-обольстительница играла с упоением. Халатик постоянно распаивался, то обнажая до самого основания стройные ноги, то вдруг из него одновременно выкачивались две молочные луны пудовых грудей...

От такого натиска Курусу вмиг забыл и о привезенном товаре, и о Константиновском рубле.

Осушив залпом пару бокалов шампанского, он попросил разрешения снять пиджак. На пиджаке не остановился, стащил и надетый поверх рубашки полотняный пояс с кармашками-ячейками, заполненными часами и золотыми браслетами. С облегчением вздохнул: «кольчуга» весила около десяти килограммов!

В свою очередь «Эдита» попросила разрешения прилечь на кровать – болит нога. Вновь предательски распаивался халатик. Зачарованный Курусу вперил взгляд в манящее лоно. Ленивым движением женщина одернула подол. Губы ее были закушены, лукавые глаза, источавшие похоть, призывно смеялись. Запахивая полы халата и отрешенно глядя в потолок, агентесса стала поправлять прическу. Нет, она просто издевалась над молодым изголодавшимся самцом!

Завуалированный стриптиз стал последней каплей, что переполнила чашу плотских вождлений японца. Не в силах более противостоять разбушевавшейся физиологии, он сорвал со своей пассии халат, покрыл ее тело неистовыми поцелуями, с остервенением рванул брючный пояс и вмиг оказался меж ее ног...

Женщина вскрикнула и начала робко сопротивляться. Притворная борьба, а по сути – освобождение от халата, еще больше раззадорили японца. Дрыгая ногами, он пытался освободиться от брюк. Затрещала рвущаяся материя – это лопнули по шву брюки, из которых азиатке наконец удалось выпрыгнуть...

...Тела сплелись в пароксизме страсти, комната наполнилась криками и сладострастными стонами. Дьявольская пляска достигла апогея, когда хлопнула входная дверь и в прихожей раздались хмельные мужские голоса...

– Боже мой! Муж! – закричала агентесса, пытаясь столкнуть с себя вошедшего в раж азиата. – Вернулся раньше времени! Что делать? Что делать?!

Забыв, что у нее по сценарию «перелом», женщина, извиваясь всем телом, начала обеими ногами колотить навалившегося на нее японца.

– Иосихису! Да остановись ты, наконец!!

– Сейчас-сейчас! – обезумев от азарта, заорал новоиспеченный любовник.

– Как ты тут без меня, золотце мое? Что ты там делаешь, почему не встречаешь своего зайчика? – раздался из прихожей голос «мужа».

Только тогда японец осознал всю трагичность момента. Действительно, что делать? Прыгать в окно? Под кровать? В шкаф? Поздно! Взгляд Курусу беспокойно метался в поисках брюк. А черт! Распоротые на две половинки штаны валялись на полу. Что толку их надевать?!

На пороге комнаты в сопровождении амбала зловещего вида появился «зайчик» с букетом красных гвоздик. Это был оперативный сотрудник из Службы Карпова. Амбал – сыщик по профессии, драчун по призванию, некогда прозванный московскими «топтунами» «Витя-выключатель», потому как одним ударом мог сразить наповал годовалого бычка, – был привлечен к мероприятию для оказания на японца психологического, а если потребуется, то и физического воздействия.

...Мизансцена развивалась по всем канонам байки о вернувшемся из командировки муже и неверной жене.

Женщина, делая вид, что пытается перехватить инициативу, спрыгнула с постели и, застегивая на ходу халат, со стаканом вина ринулась к мужу.

– Коля, дорогой!

В следующую секунду стакан полетел на пол, жена – на постель.

– Ах ты, стерва, ах ты, б...! – Заорал «муж», увидев голого незнакомца, и добавил несколько этажей непечатных выражений.

Развернувшись, он бросился к незадачливому любовнику и влепил ему пару оплеух. Для пущей драматизации обстановки схватил подвернувшийся под руку костыль, копьем метнул его в выбегающую из комнаты жену и снова бросился к японцу.

Накал страстей был так высок, актеры настолько вжились в роли, что никто из них не вспомнил, что по сценарию у «Эдиты» сломана нога, и уж бежать она никак не может...

Витя-выключатель перехватил обезумевшего от ревности приятеля и глыбой навис над иностранцем...

Приоткрыв дверь в комнату, «изменница» прокричала несвоим голосом:

– Коля не трогай его, он – иностранец, дипломат. Он пришел к нам в гости!

– Дипломаты в гости без штанов не ходят! Ты еще скажи, что он папа римский! Ишь, стоило уехать в командировку, как она здесь международным развратом занялась!

Разбушевавшийся Коля схватил початую бутылку шампанского и грохнул ею о пол.

Курусу продолжал стоять посреди комнаты, судорожно соображая, что предпринять. Если бы не штаны, он уже давно попытался пробиться к двери, но...

В прихожей раздалась трель звонка.

«Эдита» вдруг вспомнила, что у нее сломана нога, громко застонала и, прихрамывая, направилась к двери.

На пороге стояли ее оператор – Леонтий Алексеевич Карпов – в форме майора милиции и двое в штатском.

– Вам чего? – как можно грубее спросила агентесса.

– Что у вас здесь происходит? – грозно ответил на вопрос вопросом Карпов. – Соседи позвонили в милицию, говорят, убийство...

«Майор» придирчиво оглядел присутствующих и остановил взгляд на Курусу.

– Так-так, значит, не убийство, а разбой! Вовремя мы прибыли. «Гоп-стоп» только начался – с гражданина только портки успели снять! А если б мы задержались?!

Карпов шагнул к стулу, на котором лежал полотняный пояс, приподнял его. Посыпались часы, броши, браслеты...

Витя-выключатель нагнулся, чтобы поднять один. В ту же секунду «майор» проворно выхватил пистолет, двое в штатском также обнажили стволы.

– Не двигаться! Всем лечь на пол! Быстро! Лицом вниз! Стреляю без предупреждения! Кузькин, вызови подмогу!

Опер в штатском с готовностью вынул из кармана переговорное устройство.

– Седьмой! Я – пятый! Здесь ограбление! Группу захвата в четвертую квартиру... Второй этаж! Живо!

– Вот оно в чем дело! – произнес Леонтий Алексеевич, носком башмака сгребая в кучку раскатившиеся по полу часы и браслеты. – Неплохо поживились бы ребята, опоздай мы на пять минут... Кто хозяин этих вещей?

Японец оторвал голову от пола, но тут в квартиру ввалились дюжие автоматчики в камуфляже.

– Забрать всех в отделение, оставить пострадавшего и ответственного квартиросъемщика... для допроса!

– Я не могу ехать, у меня сломана нога, ко мне врач сейчас должен прийти! – скороговоркой выпалила «Эдита».

– Вы останьтесь! – приказал Карпов.

Глава четвертая

Из постели – в контрразведку

– Вы кто такой? – нарочито грубо спросил Карпов японца, когда «мужа» и Витю-выключателя автоматчики выволокли из квартиры.

Курусу пробормотал что-то невнятное.

– Предъявите документы!

В это время один из оперов уже расстегивал кармашки пояса и с ловкостью фокусника раскладывал часы и браслеты на столе. Другой деловито щелкал фотокамерой.

Агентесса сослалась на боль в ноге и прилегла на кровать.

– Я – дипломат... – промямлил Курусу и трясущимися руками предъявил свою аккредитационную карточку дипломата.

– В таком случае я обязан сообщить о вашем задержании в МИД!

Карпов поднял трубку телефона и стал наугад вращать диск.

– Не надо! – покрывшись испариной, взмолился японец. – Пожалуйста, не надо никуда звонить, – и, указывая на «патронташ» с часами и золотыми изделиями, – заберите все... Здесь целое состояние!

Один из оперов навел на него фотоаппарат и несколько раз щелкнул затвором. Курусу окончательно сник.

– Часики и золотишко нам не нужны, – примирительно сказал Карпов, – но договориться сможем...

* * *

Вербовка состоялась.

Тут же в квартире «Эдиты» японец в подтверждение своей готовности сотрудничать с правоохранительными органами СССР (какими конкретно, Курусу еще не знал) собственноручно описал известные ему подробности кражи уникальных бриллиантов из квартиры народной артистки СССР Ирины Бугримовой.

Покончив с сочинением на заданную тему, иностранец поинтересовался, как подписывать его.

– Да чего там... подпишите его одним словом: «Самурай»! – бодро ответил Карпов. – Чтоб никто не догадался... Ни сейчас, ни впредь! Не возражаете?

Нет, Курусу не возражал – оставшись без порток, поневоле станешь покладистым... Он лишь на секунду задержал взгляд на лице генерала, улыбнулся своей догадке и сделал решительный росчерк.

Перед тем как выпроводить японца за порог, «Эдита», сидя на недавнем ристалище любовных игр – на кровати, – зашивала его распоротые брюки, а Карпов в гостиной инструктировал новоиспеченного агента о способах связи, месте и дате будущей встречи.

Как только за «новобранцем» закрылась дверь, генерал отправил «Эдиту» на кухню разбинтовываться и готовить кофе, а сам нетерпеливо сгреб со стола ворох исписанных бумаг и стал вчитываться в каракули японца, более похожие на иероглифы, чем на кириллицу.

Содержание настолько впечатлило Карпова, что он безотчетно схватил трубку и набрал номер прямого телефона Андропова. Лишь вспомнив, что перед ним незащищенный от прослушивания аппарат городской АТС, в сердцах швырнул телефонную трубку, чертыхнулся и, не попрощавшись с агентессой, опрометью выбежал из квартиры.

В тот же вечер Леонтий Алексеевич доложил председателю подробности проведенной вербовки и содержание представленного «Самураем» донесения.

* * *

На следующее утро Андропов уведомил Леонида Ильича о «грозящей ему опасности» и заручился его поддержкой в реализации своих планов. Под предлогом проведения оперативных мероприятий по защите чести Семьи и, как следствие, – престижа державы, председатель получил карт-бланш на разработку связей Галины Леонидовны, первой в числе которых значилась Светлана Щёлокова...

Таким образом, генсек фактически жаловал Андропова охранной грамотой, позволяющей бесконтрольно держать «под колпаком» самого министра внутренних дел!

Брежнев так и не понял, какую злую шутку сыграл с ним Андропов, получив из его рук исключительное право разрабатывать окружение Галины Леонидовны. Впрочем, Леонид Ильич в то время уже мало что понимал...

Глава пятая «Бриллиантович»

Донесение на заданную тему

«Я близко познакомился с Борисом Буряце в 1977 году в Мисхоре, когда по заданию посла выезжал на два дня в Крым. Раньше мы нередко встречались на «бирже» в Столешниковом переулке и даже стали друзьями.

Общаясь с постоянными клиентами «бриллиантовой биржи», я, как правило, представлялся узбеком из Ташкента, и они верили, потому что по-русски я говорю почти без акцента. Но там, в Мисхоре, я почувствовал, что Борису я должен открыть свой реальный статус и свое имя. Почему? Чтобы установить с ним более тесные деловые отношения, так как его я всегда считал одним из основных игроков или, скорее, законодателем цен на «бирже».

Борис оценил мою откровенность, и во время общения со мной всегда старался отвечать тем же.

В кругах деловых людей, которые занимаются операциями с валютой и драгоценностями, Буряце известен под кличкой «Бриллиантович». Думаю, что основанием для этого послужила его страсть к драгоценным камням вообще и к «брюликам», в частности. Не исключено, что «Бриллиантовичем» его называют еще и потому, что дела, которые он проворачивает с «камешками», поражают воображение. Он постоянно носит золотой перстень с бриллиантом в четыре карата, на шее у него – толстая крученая золотая цепь с огромным крестом из платины, который украшен бриллиантом в шесть карат. Он никогда не расставался с этими украшениями и, даже купаясь в море, их не снимал. Я спросил Бориса, как это он не боится появляться на людях, таская на себе целое состояние. Он засмеялся и указал на приближающуюся к пляжу белую «Волгу».

«Вон, видишь, – сказал он, – катит моя Мадам. Она везет мне обед, смену белья, а заодно – смену охранников. Эти, – Борис указал на сидевших поблизости двух громил, не снимавших в жару рубашек, под которыми бугрились кобуры с пистолетами, – мне надоели!»

... Когда подъехала «Волга», я был ошеломлен, увидев, что из нее вышла... Галина Брежнева, которую Буряце за глаза называл «Мадам». Я встречался с нею в разных посольствах на дипломатических приемах, и поэтому сразу узнал ее.

Я догадался, что в роли телохранителей, на которых указывал Борис, выступают сотрудники правительственной охраны, приставленные к дочери вашего генерального секретаря, но я никак не мог понять, что может быть общего между нею, дочерью первого лица великой страны, и спекулянтом «брюликами», каким я знал Буряце. Возможно, размышления отразились на моем лице, потому что Борис поспешил объяснить мне, что Галина безумно в него влюблена.

«А вообще, – сказал он, – моя Мадам – женщина с «заскоками», она ведь на пятнадцать лет старше меня, ей за пятьдесят и у нее уже есть внучка».

«Ну, так брось ее, какие проблемы? – сказал я. – Ты же молод, красив. С твоими деньгами, твоим умом любая женщина сочтет за счастье выйти за тебя замуж!»

Подумав, Борис ответил:

«Видишь вот это? – он сжал рукой висящий на груди платиновый крест. – Вот это – моя Мадам. Тяжело таскать на шее такую дорогую вещицу, но зато прибыльно и престижно... Где

бы я ни появлялся с этим крестом, все почтительно расступаются и места, предназначенные для избранных, достаются в первую очередь мне!

На Западе, Курусу-сан, говорят: «Если вы видите, что ваш банкир выпрыгивает из окна десятого этажа, бросайтесь за ним – это прибыльно».

Я руководствуюсь той же логикой. Поэтому, несмотря на все причуды и истерики Мадам, я готов пойти за ней в огонь и в воду – куда угодно ей... Кстати, вот это, – Борис вновь тронул крест, – я приобрел по настоянию и с помощью Мадам. Она толк в таких вещах знает и собирает их... Знаешь, какая у нее богатая коллекция «брюликов»? Я пристрастился к ним под ее влиянием... Я, вообще, многим ей обязан. Она меня ввела в такое общество, в которое ни за какие деньги не попадешь: писатели, заместители министров, торговые тузы...

Но все же я очень от нее устал. Ладно бы, только ее причуды и скандалы, которые она мне ежечасно устраивает! С ними еще можно мириться... Ужас в том, что когда я по ее просьбе начинаю обнимать и целовать ее в губы, мне постоянно кажется, что я целую Леонида Ильича... Моя Мадам, старея, внешне все больше походит на своего отца... Да ты и сам это увидишь, вот она, уже подходит...

Ты только присмотришься внимательнее! У нее очень грубые, крупные мужские черты лица. А тут еще с возрастом у нее начали расти усы. Недавно я по телевизору увидел, как Брежнев лбызался с Эрихом Хонеккером, ну, ты знаешь, немецкий генсек, так меня чуть не стошнило на стол... Хорошо, что успел до ванной добежать, а то бы опозорился перед гостями... Короче, когда мне приходится целовать ее в губы, я стараюсь закрывать глаза... Ну, ничего! Как говорится, каким бы тяжелым ни был пост – Пасха неминуема... Вот купит она мне квартиру, а там видно будет».

«Но она ведь замужем, – удивился я, – и ее муж занимает большой пост в Министерстве внутренних дел!»

«Ну, а что муж? – равнодушно ответил Буряце. – Его интересует только карьера. К Мадам он совершенно равнодушен. Правда, узнав о том, что у нее со мной любовь, муж пару раз подсылал своих людей, ментов поганых, чтоб меня поколотили, но теперь Мадам приставила ко мне охранников из КГБ, которые в обиду меня не дадут. Ее мужу – генералу Чурбанову – совсем не выгодно идти на разрыв с ней, потому что он сразу потеряет благосклонность ее отца. Чурбанов это хорошо знает, потому и терпит меня – выбора у него нет!»

...Приблизившись к нам, Галина, вместо приветствия, громко выругалась. Прокричала, чтобы Борис помог прибывшим на смену охранникам вынести из машины хлеб, банки с икрой, виноград, ящики с шампанским и водкой. Отдав распоряжения, Галина без тени стеснения начала снимать с себя платье, чтобы переодеться в поданный телохранителем шелковый халат.

Я попытался отвернуться, но Борис, который демонстративно проигнорировал указание Мадам помочь охране, тихо сказал мне:

«Не вздумай отворачиваться, иначе ты сразу попадешь в немилость. Она обожает, когда ее нагую рассматривают молодые мужчины!»

...За время, которое я провел в обществе «сладкой парочки», я понял, что Борис – умный и очень ловкий человек.

Галина – крайне раздражительная и конфликтная женщина. Когда Борис напоминал ей, что пора возвращаться к родителям, которые отдыхали неподалеку, в Ореанде, Галина закатывала истерику, швыряла в любовника гроздь винограда и обвиняла его в том, что он ее не любит.

Опьянев, Галина стала плакать и кричать:

«Я люблю искусство, а мой муж – му...к, хотя и генерал. Ну, что поделаешь, чурбан – он и есть чурбан!»

По возвращении в Москву я несколько раз бывал в гостях у Буряце, в квартире на улице Чехова, которую для него приобрела Галина.

...В декабре 1981 года, вернувшись из Гонконга, куда я летал, чтобы приобрести Борису видеоаппаратуру, я застал у него дома двух неизвестных мне молодых людей. Все трое оживленно обсуждали план тайного проникновения в квартиру какой-то артистки.

Я хотел уйти, но Борис попросил остаться, сказав, что у него от меня секретов нет.

Из разговора мне стало известно, что в квартире артистки находятся драгоценности необыкновенной красоты на астрономическую сумму. Ничего подобного нет даже у Галины, что вызывает ее зависть и злость. Злость из-за того, что она предложила артистке огромные деньги за коллекцию, но та отказалась ее продавать. После чего Брежнева якобы сказала:

«Если она не хочет мне их продать, то лучше, чтобы они исчезли из Союза!»

Насколько я понял, родственник одного из молодых людей работает в отделе, контролирующем сигнализацию в доме артистки. Он должен был в обусловленное время отключить ее, чтобы сигнал тревоги не поступил в отделение милиции. Еще двое или трое мужчин должны были подъехать к дому на машине и на глазах консьержа вытащить огромную елку. В случае возможных вопросов злоумышленники должны были бы отвечать, что елка – новогодний подарок артистке, а они лишь выполняют поручение привезти и оставить дерево у дверей квартиры.

Буряце согласился с остальными заговорщиками, что все будет выглядеть естественно и их действия не вызовут подозрений у консьержа, так как у знаменитых артистов масса поклонников, которые способны выразить свои симпатии самым экстравагантным образом...»

Самурай

Сколь веревочка ни вейся...

Последующие события развивались стремительнее, чем в крутом кинобоевике. Поскольку бриллианты Бугримовой было невозможно сбыть внутри страны, генерал Карпов по указанию Андропова приказал ввести особый таможенный контроль во всех международных аэропортах и пограничных пунктах Советского Союза. Удача не заставила себя ждать. Через два дня в аэропорту Шереметьево был задержан гражданин – в полу его пальто был вшит замшевый мешочек с тремя самыми крупными бриллиантами из коллекции Бугримовой. Еще через несколько дней оказались за решеткой и другие члены банды профессиональных грабителей, специализировавшихся на, как они именовали свой промысел, «изъятии у населения бриллиантовых излишков».

Расследование дела об ограблении вдовы Алексея Толстого и квартиры Ирины Бугримовой обрело новый импульс, когда от подследственных были получены данные, что наводчиком, взявшим за свои труды баснословные комиссионные, в обоих случаях был Борис Буряце.

В его квартире был проведен тщательный обыск, который не только усилил подозрения в причастности цыгана к похищению драгоценностей, но и заставил вернуться к другим нераскрытым делам.

Буряце был вызван на допрос.

В норковой шубе и норковых сапогах, с болонкой в руках и дымящейся сигаретой в зубах «Бриллиантович» вошел в кабинет следователя. Спесь слетела моментально, как только ему было объявлено, что он задержан и ближайšie десять дней ему придется провести в Лефортовской тюрьме.

Следователи любезно – им было известно о его близости с Галиной Брежневой – предложили ему уведомить своих родственников. Борис позвонил Галине, но та еще не успела прийти в себя после затянувшейся новогодней попойки и в растерянности бросила трубку...

...Через некоторое время суд приговорил Буряце к пяти годам лишения свободы с конфискацией принадлежавшего ему имущества, в том числе и подарка Брежневой – квартиры на улице Чехова.

Глава шестая

Проверка по законам жанра

Поскольку «Самурай» без видимых угрызений совести уже представил письменную информацию о Буряце и Брежневой, Карпов решил, дабы не останавливаться на достигнутом, провести проверку «новобранца» на лояльность.

Об остальных качествах японца: смелости, авантюризме и глубоком знании русского языка было известно достаточно. А уж то, что он умеет соблюдать конспирацию, не вызвало никаких сомнений – контрабандисты, вынужденные вести двойную жизнь, умеют хранить тайну...

«Доверяй, но проверяй!» – принцип, которому неуклонно следуют офицеры-агентуристы всех спецслужб мира.

Особенно интенсивны проверки в начальный период негласного сотрудничества. А если «новобранцем» является подданный иностранной державы, да еще и завербованный с использованием компрометирующих материалов, то у его оператора только и забот: каким «рентгеном» просветить обращенного «в новую веру», как убедиться самому и доказать начальству, что мы имеем дело не с двурушником, который одинаково ловко «таскает каштаны из огня» и для нас, и для противника, или того хуже – кормит нас «дезой».

Сказанное выше вовсе не означает, что со временем завербованному иностранцу будут доверять беспрекословно, а всякую добытую им информацию начнут принимать как божественное откровение. Отнюдь. И в дальнейшем представляемые агентом сведения будут подвергаться всестороннему анализу и проверкам, а он – постоянно находиться под контролем. Но одно точно: проверок станет меньше, хотя проводиться они будут изощренней и тоньше.

Не мудрствуя лукаво Карпов прибег к испытанному многими поколениями контрразведчиков трюку. В ходе очередной явки вручил «Самураю» похожую на табакерку плоскую металлическую коробочку с несколькими кнопками, измерительной шкалой и стрелкой на лицевой крышке. Попросил агента, разумеется, пообещав приличное вознаграждение, спрятать эту коробочку на пару-тройку дней в кабинете японского посла, лучше всего где-нибудь за книгами.

Осторожный «Самурай» поинтересовался, зачем «табакерка» должна непременно оказаться именно в кабинете посла.

Генерал пустился в пространные объяснения об ухудшении экологической обстановки из-за расплодившихся в столице НИИ и лабораторий, занимающихся исследованиями в области радиоэлектроники. По утверждению Карпова, жители Москвы рассылают письма во все государственные инстанции, требуя оградить их от действия пресловутых электромагнитных излучений. Поэтому в настоящее время КГБ выясняет, действительно ли настолько загрязнена окружающая среда, что надо принимать неотложные меры. Но для того, чтобы преждевременно не создавать паники, делает это скрытно. Добавил, что Моссовет принял решение начать изучение обстановки со зданий дипломатических представительств, конкретно, – с кабинетов послов и других высокопоставленных иностранных чиновников. Вручаемый регистратор должен зафиксировать наличие или, наоборот, отсутствие указанных излучений.

Казалось, японец был польщен проявлением заботы о здоровье его соотечественников, да ни кем-нибудь, а самим Комитетом госбезопасности! Однако сомнения оставались. «Самурай» с опаской взял регистратор в руки и спросил:

– А он не взорвется?

– Слово офицера – нет! – с пафосом ответил генерал. – Он не только не взрывается, но и не может никому причинить вреда.

В отличие от предыдущих объяснений, это было святой правдой.

– Не надо только нажимать эти кнопки...

Других вопросов со стороны «Самурая» не последовало, он забрал регистратор излучений и на следующий день спрятал его в кабинете посла.

В том, что прибор находится в японском посольстве и именно в крыле, где расположен указанный кабинет, сотрудники оперативно-технического управления имели возможность убедиться, пеленгуя из разных точек микрорайона позывные, издаваемые устройством. Через равные промежутки времени регистратор выплевывал в эфир сигналы, подобные знаменитым «бип-бип», что издавал наш первый искусственный спутник Земли.

В назначенный день «Самурай» вернул Карпову прибор, в котором была еще одна техническая хитрость: регистратор был устроен таким образом, что попади он при посредничестве «Самурая» или без его участия в руки японских контрразведчиков, которые попытались бы определить его предназначение, это было бы обязательно зафиксировано при контрольном обследовании нашими технарями.

Тщательно проверив устройство, специалисты пришли к заключению, что в нем никто не ковырялся и оно не подвергалось ни рентгеноскопии, ни ультразвуковому, ни лазерному обследованию.

Ну, чем не проверка агента на «детекторе лжи»?!

Теперь, когда «Самурай» успешно прошел первый тест на надежность (сколько еще их будет!), Карпов теоретически мог рассчитывать на его помощь и в других, более деликатных, вопросах, а именно: добывании секретной информации.

А то, что «Самурай» является секретноносителем, генералу стало ясно еще во время вербовки, когда при отработке способов связи японец просил не звонить ему на работу. Такая просьба могла поступить только от дипломата, допущенного к секретам, и, кроме того, предупрежденного о том, что его телефон контролируется службой собственной безопасности посольства.

Глава седьмая

Контрабандист поневоле

Встреча с «Самураем» должна была состояться в баре на третьем этаже гостиницы «Интурист» в 4 часа пополудни, когда заведение обычно закрывается на санитарный час и остаются лишь «ведомственные», вроде Карпова, посетители. Впрочем, коллеги никогда не мешали друг другу, рассредоточиваясь по углам. «Цеховая солидарность», как никак!

Генерал прибыл на место загодя, чтобы осмотреться и спокойно осмыслить предстоящий разговор с агентом.

Последние два дня в рабочем кабинете это сделать не удавалось: вслед за арестом Буряце Карпов беспрестанно вызывали к себе то Андропов, то его заместитель Семен Цвигун, а то и кураторы КГБ со Старой площади.

Особенно раздражала генерала позиция, занятая Цвигуном.

Карпов понимал, что заместитель председателя не по своей воле вмешивается в дело о краденых бриллиантах, а лишь выполняет указание своего родственника, генерального секретаря, чтобы в случае необходимости отвести удар от Галины Брежневой. Но уж больно беспардонно он это делал!

...Как только копия агентурного сообщения «Самурая» легла на стол Цвигуну, он немедленно потребовал к себе Карпова.

– Слушайте, – заорал зампред, едва только генерал перешагнул порог его кабинета, – вы со своим агентом сожрали весь мой замысел!

– То-то у меня чувство, будто я наелся говна, – парировал Леонтий Алексеевич.

– Вон из кабинета!!! – захлебнувшись от ярости, прорычал Цвигун.

– Вон из контрразведки! – в тон ему ответил Карпов и, пулей вылетев из кабинета самодура, бросился в приемную Юрия Владимировича.

Если бы не вмешательство Андропова, не сносить бы погон строптивому генералу – уволили бы в одночасье без выходного пособия.

Впрочем, Карпов играл наверняка, понимая, что с его уходом Комитет потеряет только что приобретенного особо ценного агента. А советники японского посольства не каждый день оказываются в агентурных сетях КГБ!

* * *

Устроившись за столиком в глубине зала, генерал недовольно поморщился: сидевшие в центре зала четверо дюжих бритоголовых парней о чем-то громко спорили. Говорили по-английски. Судя по выговору, внешнему виду и по тому, как они лихо опрокидывали в себя фужеры с виски, Карпов сделал вывод, что перед ним американцы, скорее всего морские пехотинцы из охраны здания посольства США.

«Вот напасть, нигде нет покоя! – чертыхнулся про себя генерал. – Не попросить ли администратора, чтобы он спровадил этих вояк?»

Оценивая окинув взглядом возмутителей спокойствия, Леонтий Алексеевич понял, что и весь обслуживающий персонал бара будет бессилён унять не в меру разошедшихся морпехов.

«Черт с вами, живите!» – Карпов углубился в размышления.

Вновь и вновь генерал мысленно возвращался к вопросу об использовании «Самурая» в добывании информации по «Сётику».

Идея была весьма заманчивой, но возникали серьезные сомнения в возможности ее реализации: согласится ли «Самурай» выполнять задание по «Сётику», ведь речь пойдет о добычании японцем сведений о японской фирме. Не сочтет ли агент его предложение оскорбительным, а свое участие в операции антипатриотичным?

Каждый раз в памяти генерала всплывали целые абзацы из наставлений полковника Кошкина, известного разведчика и специалиста-ниппониста, к которому генерал обратился накануне вербовки Курусу, чтобы получить консультацию о национальных особенностях мышления японцев, их традициях и обычаях.

Все это необходимо знать, чтобы с самого начала партии взять правильную ноту. Ведь каким бы высоким ни было вознаграждение, выплачиваемое Комитетом агенту за представленные сведения, одной денежной подпиткой не обойтись. Чтобы сотрудничество стало полнокровным, надо найти ключик к внутреннему «Я» секретного сотрудника.

* * *

Николай Петрович Кошкин, много лет проработавший в Японии и поднаторевший в вербовках местных жителей, предостерег Карпова от упрощенческого подхода, доказав на примерах, что «вести» японца гораздо труднее, чем завербовать. Хотя и последнее – задача не из легких. И не только в Японии. Ее граждане и за пределами своей страны с большим трудом идут на контакт с чужеземными спецслужбами. Причина, по которой японец согласится добывать информацию в пользу иностранной державы, должна быть исключительно веской. Вместе с тем они охотно и без всяких предварительных условий поставляют сведения своей тайной полиции. Более того, считают это своим священным долгом.

Рассуждая о японском шпионаже вообще, и о возможности привлечения конкретного японца к секретному сотрудничеству, Кошкин сослался на некий трактат, разработанный ближайшим сподвижником Гитлера – Рудольфом Гессом, который в начале 1930-х стоял у истоков создания новых спецслужб рейха и считается отцом концепции *тотального шпионажа* в Германии.

Дело в том, пояснил Кошкин, что Гесс позаимствовал ее у японцев, которые на протяжении долгого времени создавали и оттачивали принципы *тотального шпионажа*. В Японии накануне и Первой, и Второй мировой войн этим принципам были подчинены все сферы жизни. Гессу же удалось с успехом перенести их на немецкую почву. В своем трактате Рудольф Гесс делал вывод, что шпионаж является второй натурой японцев.

... На протяжении многих поколений в Японии сложилась внутренняя система массовой слежки, когда сосед шпионил за соседом, а оба они, в свою очередь, находились под присмотром третьего соседа.

Это стало возможно потому, что японские властители всегда обращались со своим народом, как с детьми. Со времен сегуната широко использовались сыщики, добровольные осведомители и секретные агенты.

Гесс считал, что это обстоятельство развило в японской нации склонность к шпионажу, которая настолько укоренилась, что японцы занимаются им всюду, где представляется удобный случай, особенно в заграничных поездках. По возвращении на родину они передают информацию японскому консулу или своей полиции.

Донесения как профессиональных агентов, так и стукачей-любителей, передаются в Центральный разведывательный орган (ЦРО) в Токио одним из следующих способов.

Первый.

Через консульства, которые переправляют развединформацию в посольства с курьерами. Посольства, в свою очередь, посылают ее в Японию, чаще всего дипломатической почтой.

Второй.

Через специальных агентов-курьеров, передвигающихся под видом должностных лиц, якобы совершающих инспекционные поездки. Наконец, сведения, в которых заинтересован ЦРО, могут быть переданы через капитанов японских торговых и пассажирских судов, которым донесения вручаются, как правило, в последнюю минуту перед отплытием в Японию.

Со слов Кошкина, проблема *тотального шпионажа* уходит корнями в историю нации.

Жители Страны восходящего солнца еще в недалеком прошлом находились в полной изоляции, постоянно готовые к отражению агрессии со стороны более сильных соседей.

Япония – мононациональное государство, с единым языком и одной культурой. Там нет нацменьшинств, очень мало эмигрантов. До сих пор японцы стремятся оградить свой внутренний мир от внешнего вторжения, всеми силами противостоят проникновению чуждой им по духу европейской и, тем более, американской культуры.

У японцев очень развито чувство соперничества, у них не принято завидовать успехам, злорадствовать по поводу неудач. А коллективизм и взаимовыручка, терпение и трудолюбие возведены в абсолют!

Далее Кошкин прочел генералу целую лекцию о развитии японского шпионажа, возведенного в ранг государственной политики, внутренней и международной. Тотальная слежка вошла в плоть и в кровь, наконец, в гены жителей этой страны. Большую роль в деятельности японской разведки и контрразведки играли так называемые патриотические общества. Через них-то и происходило распространение *тотального шпионажа* в Японии.

Созданные в конце XIX века, они поначалу вели разведывательную и подрывную деятельность против главных на тот момент противников Японии – Китая и России – с целью выявления слабых мест и воздействия на них.

Общества вербовали своих членов из различных социальных слоев. Они требовали от них, прежде всего, беззаветной преданности идеям и идеалам Общества. Если такой преданности не было, то, независимо от наличия у кандидата других качеств и положительных сторон, его отвергали.

Именно исключительная преданность членов Обществу привела к тому, что деятельность этих организаций за пределами Японии стала значительной и опасной. Члены Обществ, отобранные для наиболее важной работы, обучались языкам и подрывной деятельности. Агенты, обязанности которых ограничивались сбором информации, были из среды лавочников, туристов, инструкторов по спорту, рыбаков, бизнесменов, студентов, изучающих ислам и английский язык, ученых, священников, археологов, продавцов медикаментов, литературы и порнографических открыток.

Агентам не обещали никаких наград, да они и не рассчитывали на это. Материалы патриотических Обществ переполнены биографиями «маленьких людей». Все, что эти люди узнавали и докладывали своим руководителям, передавалось правительству, военным властям или другим заинтересованным инстанциям.

В такой стране, как Япония, сохранившей старинные военные традиции, невозможно было провести ясную линию между военными и гражданскими лицами вплоть до капитуляции. Точно также не всегда можно разграничить деятельность и функции патриотических Обществ от действий и функций военной разведки. На протяжении всего военного и предшествующего ему периодов отмечалось тесное сотрудничество Обществ и официальной разведки, их действия часто дополняли друг друга. Многие бывшие военнослужащие входили в патриотические Общества, а те, в свою очередь, отдали военной разведке своих лучших агентов.

В этом плане показателен пример с военным атташе Японии в ряде западноевропейских стран и в России Мотодзиро Акаси, и Обществом, которое он представлял: «Кокурюкай», что в переводе на русский означает «Черный дракон». Последнее было самым значительным из всех японских патриотических Обществ, основанное еще в 1901 году Рехэй Утида.

«Кокурюкай» – это китайское название реки Амур, разделявшей Маньчжурию и Россию. В названии Общества содержится намек на его главную цель – оттеснить русских за Амур из Маньчжурии, Кореи и любого другого места на Тихом океане, то есть вся его деятельность была нацелена на войну с Россией.

«Кокурюкай», как и другие патриотические Общества, имело свои учреждения. В Токио ему принадлежали две школы, где проводилось обучение всем видам шпионажа. Они прикрывались безобидно звучащими названиями: «Академия подготовки националистов» и «Школа иностранных языков».

Осенью 1900 года японское Военное министерство назначило полковника Мотодзиро Акаси военным атташе во Франции, Швейцарии, Швеции и России. Его назначение, на которое министерство вначале не соглашалось, было произведено по настоянию Рехэй Утида. Влиятельный член «Кокурюкай», Утида пригрозил, что, если Акаси не будет назначен на эту должность, Общество прекратит передачу информации своих агентов Военному министерству.

– Очень скоро, – сказал Утида на прощание своему ставленнику, – мы нанесем удар по нашим врагам в Сибири. Европейская часть России находится на очень большом расстоянии от нас. Но именно там делается политика и оттуда идут указания в азиатскую часть империи, в Сибирь. Мы смогли бы приобрести важную информацию, если бы имели в Европейской части России своих агентов...

Акаси отличался особой проницательностью, гибким умом, завидной твердостью, отсутствием жалости – тем, чем должен обладать преуспевающий шпион. В скором времени он продемонстрировал, в какой степени обладал всеми этими качествами.

За 15–20 лет подготовки Япония достигла не только высокого промышленного и военного развития. Огромная армия ее разведчиков, превосходящая по численности шпионскую службу любой другой страны, раскрыла многие секреты и намерения России в районах, которые стали объектами нападения. Японцы доказали на практике, что хорошо и широко поставленный шпионаж в состоянии обеспечить половину победы еще до того, как будет нанесен первый открытый удар.

Но, видимо, самым удивительным нововведением было отношение японцев к шпионам и шпионажу. Ведь на Западе вплоть до Первой мировой войны так называемые «приличные люди» с презрением относились к этому явлению жизни.

Японцы же с момента зарождения в Японии шпионажа включили его в *Бусидо* – строгий кодекс морали и поведения самураев. Шпионаж, провозгласили они, осуществляемый в интересах родины, является как почетным, так и благородным делом. Разве не требует он смелости и отваги – тех достоинств, которые более всего ценятся самураями? Отношение японцев к разведывательной деятельности находилось в полном соответствии с их культом служения родине и идеалами патриотизма, они воодушевляли многих из тех, кто в минуты душевной слабости колебался принять на себя риск, свойственный этому непростому ремеслу.

Бусидо делал японских шпионов вдвойне опасными. Одним из примеров кодекса *Бусидо* в действии являются камикадзе – летчики-смертники Второй мировой войны...

– Как я уже сказал, товарищ генерал, – с нажимом сказал Кошкин, видя, что тема начала утомлять его добровольного адепта, – одной из особенностей японцев, больше всего поразивших Рудольфа Гесса, был повышенный интерес в шпионажу.

В своем трактате Гесс писал: «Каждый японец, выезжающий за границу, считает себя шпионом, а когда он находится дома, он берет на себя роль ловца шпионов».

Под влиянием руководителей разведки японцы воспитывались в таком духе, чтобы в любом мероприятии всякой иной нации на Тихом океане, в особенности Соединенных Штатов, усматривать шпионские намерения. С этой целью устраивались выставки, на которых демонстрировались экспонаты, показывающие вероломные и преступные, с точки зрения японцев, методы работы иностранных разведчиков. На улицах расклеивались сотни плакатов, призыва-

ющих к бдительности, устраивались антишпионские дни и недели. Соответствующие лозунги печатались на спичечных коробках и выставлялись в витринах магазинов. Охота за шпионами превращалась в искусственно насаждаемую манию.

Пресса, радио и официальные лица постоянно призывали каждого японского мужчину, женщину и ребенка быть настороже, искать шпионов и сообщать обо всем, что вызывает хотя бы малейшее подозрение. В результате такой обработки население питало к иностранцам беспримерную ненависть. Нечто подобное, если вы помните, товарищ генерал, мы пережили в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, – подытожил свой экскурс в историю становления японских спецслужб полковник Кошкин.

– Думаю, Николай Петрович, что мы по части нагнетания шпиономании на государственном уровне сумели догнать японцев в 1930-е годы, – заметил Карпов.

– Нет-нет, Леонтий Алексеевич! – в тон собеседнику ответил специалист по Японии. – В этом вопросе их вообще никто не догонит. Последнее, что я хотел бы добавить к тому, что уже сказано. По моему мнению, все перечисленное, в том числе и отношение японцев к шпионажу, не только помогло им выжить, добиться впечатляющих успехов в экономике и самоутвердиться, но одновременно породило гипертрофированное чувство собственного величия и превосходства над другими народами, а также способствовало развитию у них и без того достаточно выраженной ксенофобии, враждебности ко всему чужеземному, будь то образ жизни, идеалы или мировоззрение...

Убедившись на собственном опыте, что всех благ можно добиться только своим трудом, японцы с порога отметают всякие предложения добывать информацию для иностранных государств, считая последних паразитами.

Совсем по-другому ведет себя японец, попадая в зависимость от спецслужб под угрозой компрометации.

Личное в сознании японца ассоциировано с общественным, он ощущает себя частицей, неотделимой от однородной общности – нации. В его представлении они спаяны воедино. Для него скомпрометировать себя – это подвести коллектив, а по большому счету – нанести ущерб своей стране. А это – позор! Чтобы избежать его, японец скрепя сердце выполнит любое задание. Его моральные принципы позволяют это сделать...»

– Это то, что мне нужно! – воскликнул Карпов, обеими руками пожимая руку Кошкину.

* * *

Размышления Карпова были прерваны появлением агента.

Генерал заметил, с какой неприязнью Курусу посмотрел в сторону американцев, его глаза-щелочки, казалось, закрылись совсем.

– Вы знаете, кто они, Леонтий-сан? – обратился агент к Карпову после взаимных приветствий.

– Полагаю, что это – американцы, морские пехотинцы, которые охраняют американское посольство... – спокойно ответил генерал, внимательно наблюдая за собеседником.

– Вы совершенно правы! Американскую солдатню я даже с завязанными глазами по запаху узнаю! – агент умолк, потупив взгляд.

– Не обращайтесь на них внимания, Курусу-сан. Судя по количеству пустых бутылок на их столе, они сидят давно и скоро уйдут! – почти ласково произнес Карпов и положил ладонь на руку японца.

В этот момент один из американцев скомкал пустую пачку из-под сигарет и, швырнув ее себе под ноги, притоптал ботинком.

Конечно, как и все японцы, агент был очень вежлив и терпим к проявлениям чужого невежества, но тут он не выдержал, взорвался:

– Совсем обнаглели! Что хотят, то и делают, будто они у себя дома. Ненавижу эту нацию, будь она проклята!

Консультации Кошкина не прошли для генерала даром. Из прослушанного курса он знал, что подобное откровение для японца – чрезвычайная редкость. Обычно они умеют скрывать свои эмоции и не выказывать истинных чувств, а уж если японец говорит такое, значит, у него весьма серьезный счет к американцам и его ненависти нет предела.

«Эврика! – мысленно воскликнул Карпов. – Теперь я знаю, в какой упаковке преподнести моему «самурайчику» задание по «Сётику»! Почему контрагентами фирмы должны быть именно немцы? А что если сказать агенту, что она имеет подозрительные контакты с американцами?! Ай да молодцы морпехи! Какую стартовую площадку вы мне подготовили для обсуждения задания. Вот так находка! Теперь осталось подлить масла в огонь и – вперед!»

Доверительно наклонившись к агенту, генерал тихо произнес:

– К сожалению, Курусу-сан, американцы весь мир считают пустой пачкой из-под сигарет – так и норовят швырнуть его себе под ноги и растоптать солдатским башмаком... Что поделаешь, молодая нация – ни глубоких исторических корней, ни культурных традиций...

Карпов выжидающе смотрел на японца. Зерна упали в благодатную почву. Курусу, почувствовав в собеседнике единомышленника, завелся с пол-оборота, заговорил громко, с жаром:

– Сегодня ровно месяц, как умерла моя жена... Ее мать в 1945-м жила в Нагасаки, когда американцы сбросили на город свои атомные бомбы. В результате она получила лучевую болезнь.

Как выяснилось потом, болезнь передалась по наследству и моей жене, хотя она родилась через десять лет после бомбардировки...

Вы думаете, что я – искатель приключений или преступник по призванию?! Нет, нет и нет! Я – контрабандист поневоле! Мне нужны были деньги, чтобы оплачивать операции по пересадке костного мозга моей жене. Вы знаете, сколько это стоит?! А какие это мучения!!! Теперь вот и мой сын страдает лейкозием, его ждет участь моих тещи и жены! А эти, – оборот головы в сторону подгулявшей компании, – не зная горя, пьют виски, веселятся! Они умертвили близких мне людей, меня сделали преступником! Но преступники – они! Они, а не я!!! – иступленно прокричал Курусу.

Американцы обернулись на крик. Заметив, что японец указывает рукой в их сторону, они рассмеялись и стали репликами подзадоривать его.

В следующую секунду неведомая пружина подбросила Курусу вверх и он в мгновение ока очутился у стола американцев. Карпов бросился вдогонку, но было поздно.

Схватив со стола пустую бутылку, «Самурай» обрушил ее на голову одного, отбитое горлышко всадил в шею другому. Обливаясь кровью, жертвы рухнули под стол. Уцелевшие американцы с неожиданной для пьяных резвостью вскочили на ноги, разом обнажив ножи-стилеты.

В тот же миг Курусу очутился на столе. Неуловимое движение ног, леденящий душу боевой клич «Й-а-а!» – и еще один морпех со стоном распластался у стола. Резко присев и сделав полный оборот вокруг собственной оси, японец пружинно выпрямился и в прыжке, с криком «Й-а-а!» припечатал обе ноги к затылку рванувшего от стола американца. От удара Курусу отбросило назад, и он навзничь рухнул на стол.

Генерал сгреб в охапку стонущего «Самурая» и поволок его к выходу...

Глава восьмая

Психологический этюд

После инцидента с морскими пехотинцами Карпов стал встречаться с «Самураем» на конспиративной квартире – береженого Бог бережет.

Во время первой явки на квартире генерал разыграл психологический этюд, преследовавший две цели.

Во-первых, надо было заставить японца в будущем вести себя благоразумнее – не всякий же раз при его встрече с американцами рядом окажется генерал КГБ!

Во-вторых, надо было создать мощную моральную мотивацию, которая помогла бы держать агента в состоянии перманентной психологической зависимости от своего оператора. Зависимость, подобную той, что возникает между ведущим и ведомым.

...Мозговую атаку Карпов повел с первой минуты встречи.

После взаимных приветствий генерал, выдержав многозначительную паузу, вынул из портфеля и подал «Самураю» пресс-бюллетень госдепа (министерство иностранных дел) США, где в рубрике «Происшествия» была опубликована заметка о трагическом инциденте в баре гостиницы «Интурист». Она заканчивалась словами:

«Начальник управления информации МИД СССР заверил посла Соединенных Штатов в Москве, сэра Мэтлока, что злоумышленник, нанеший тяжелье увечья двум нашим морским пехотинцам, непременно окажется в руках правосудия, так как на его задержание мобилизованы лучшие сыщики московской полиции. Телевидение ежедневно демонстрирует фотографию нападавшего, ее копии розданы мобильным полицейским Москвы. За поимку злодея нашим послом назначено вознаграждение в 10.000 долларов».

Прочитав заметку, Курусу беззаботно рассмеялся:

– Леонтий-сан, вы же свидетель тому, что у меня не было времени подарить свою фотографию американцам... То, что здесь написано, – блеф!

Карпов, блестящий актер по жизни, с напускной озабоченностью сдвинул брови, всем своим видом показывая, что не разделяет оптимизма собеседника.

– Для такого серьезного человека, как вы, Курусу-сан, ваше замечание звучит, по крайней мере, легкомысленно... Милиция опросила весь обслуживающий персонал гостиницы и на основании полученных данных составила ваш композиционный портрет, то есть фоторобот. Вот, полюбуйте! – с этими словами генерал подчеркнуто небрежно бросил на стол фотографию.

Улыбка моментально исчезла с лица японца.

– Но это же действительно я, это мой портрет! Абсолютное сходство! Для того, чтобы создать его, милиции, похоже, пришлось опросить десятки людей... Я и представить себе не мог, что меня наблюдало столько людей, пока я шел в бар...

– Да, вынужден констатировать: в вашем случае органы правопорядка оказались на высоте, что поделаешь, закон подлости: бутерброд всегда падает икрой на пол... К тому, что изложено в заметке, могу добавить, что ваше фото вывешено на специальных стендах милиции и роздано всему обслуживающему персоналу всех гостиниц Москвы... Потому-то я и назначил встречу здесь, а не в баре или ресторане, как мы договаривались изначально...

Вас ищут, Курусу-сан, и вам надо проявлять предельную осторожность! Согласитесь, десять тысяч долларов – сумма, которая может впечатлить любого милиционера и швейцара...

При встрече они имеют законное право задержать вас! – на едином дыхании продекламировал Карпов, внимательно наблюдая за агентом.

Ларчик открывался просто. Штатный художник оперативно-технического управления карандашом сделал рисунок с фотоснимков, которыми генерала в свое время снабдили сотрудники службы наружного наблюдения, отслеживавшие контакты японца при посещении им валютно-бриллиантовой «биржи» в Столешниковом переулке.

Рисунок сфотографировали, и он превратился в фоторобот. Что касается пресс-бюллетеня, издаваемого госдепом, то он тоже являлся продуктом оперативно-технического управления.

«Самурай» беспокойно заерзал на стуле.

– Что же мне делать, Леонтий-сан? Я же по долгу службы должен посещать публичные места, выставки, презентации... Там ведь всегда дежурят милиционеры... Вы представляете, что будет, если меня арестуют на глазах у посла! Мне же конец!

«Да, дружок, тебе конец... если откажешься дружить со мной!» – усмехнулся про себя Карпов, а вслух добавил:

– Вообще-то, есть один вариант...

Это было произнесено так неопределенно, что Курусу, потеряв над собой контроль, почти закричал:

– Вы уверены, Леонтий-сан, что он есть?! Что я должен для этого сделать?!

«А вот это уже слова не мальчика, но... «Самурая»! – мысленно похвалил японца генерал.

– Сделать сначала должен я! Вы же будете действовать потом...

Не понимая скрытого в подтексте смысла, агент покорно произнес:

– Я готов, Леонтий-сан...

– На все?

– На все!

– Что ж, ловлю вас на слове, Курусу-сан... Значит, так! – приободрился Карпов. – В ближайшие два дня я попросил бы вас не появляться в общественных местах, если это не вызвано крайней служебной необходимостью... По городу постарайтесь передвигаться только в автомашине с дипломатическими номерами. За это время, надеюсь, руководство столичной милиции успеет отдать распоряжение своим сотрудникам о прекращении розыска...

– Два дня? А хватит? Ну, а потом? – в глазах-щелочках мелькнул лучик надежды.

– Мне хватит одного... звонка начальнику городской милиции! Я просто скажу ему, что вы уже арестованы нами и находитесь в Лефортовской тюрьме... Только в этом случае поиски злоумышленника, изувечившего двух американских солдат, могут быть прекращены на законном основании... Ну, а что касается вашего последнего вопроса, – генерал стал не спеша заколачивать последний гвоздь в распятие, – то Я скажу, что делать потом!

– Если вы считаете, что это самый надежный путь...

– А другого пути нет! Самый надежный – это вместе со мной, Курусу-сан!

Оба дружно рассмеялись. Один иронично, другой – с облегчением. Воистину: «мысли о несчастье, которого тебе по случайности удалось избежать, – сами по себе могут сделать человека счастливым».

Разыграв этюд, Карпов, не теряя времени – куй железо, не покидая явки, – перешел к основной цели встречи: к отработке задания «Самурая» по добыванию информации о «Сётику».

Часть вторая

Тайна японских караванов

Глава первая

Не боги горшки... экспортируют

Вернувшись в свой рабочий кабинет, Карпов отключил городские телефоны и попытался проанализировать складывающуюся ситуацию и наметить конкретную область максимально эффективного применения возможностей «Самурая».

Генерал опасался, что председатель, однажды получив от агента информацию, которую он может использовать в своих политических играх, потребует и впредь нацеливать японца на добывание компрометирующего материала об окружении Брежневой и, прежде всего, о Светлане Щёлоковой и ее муже. Карпов же, будучи контрразведчиком до мозга костей, душой и телом приросший ко Второму главному управлению, был убежден, что бриллиантовыми делами дочери генсека должно заниматься Пятое (идеологическое) управление.

Он знал, что заставить Андропова отказаться от мысли использовать «Самурая» в интересах политического сыска, можно, лишь сыграв на опережение. Надо было как можно быстрее получить от японца информацию, относящуюся к компетенции Второго, и только Второго главка.

«Конечно, – рассуждал Карпов, – представь «Самурай» сведения об устремлениях японских спецслужб, которые все более идут на поводу у ЦРУ и все чаще выполняют задания американцев, Андропову и в голову не придет направлять агента на добывание компромата на окружение Брежневой. Не станет же председатель использовать не по профилю потенциал такого ценного агента! Это ж все равно, что долгожданное наследство растратить на подаяние нищим или гвозди забивать китайскими вазами... Стоп-стоп! У меня ведь что-то было по вазам... Ну, конечно же, – «Сётику»! Почему бы не начать работу с «Самураем» с информации об этой японской фирме? В общем, секретным агентом он, конечно, станет, но информацию – вперед!»

* * *

«Сётику» привлекла внимание аналитиков Службы Карпова тем, что в течение полугода регулярно, раз в два месяца, в металлических контейнерах, установленных на железнодорожных платформах, через весь Советский Союз доставляла в Гамбург... фаянсовые вазы.

Формально придаться было не к чему: сопроводительные документы всегда в полном порядке, на платформах находились только опломбированные контейнеры с вазами и прочими фаянсовыми безделушками.

И все же было в этой транспортировке нечто, внушавшее подозрение.

«Ладно бы экспортировались вазы, представляющие художественную ценность, а то ведь – обыкновенные горшки! – который раз говорил себе Карпов, вновь и вновь мысленно возвращаясь к вопросу о перевозке изделий японских ремесленников. – Да и вообще, стоит ли овчинка выделки: зачем черепки, которым грош цена в базарный день, везти на продажу в Германию, страну, которая славится саксонским фарфором?!

Или мне пора на пенсию по причине возникновения маниакальной подозрительности, или кто-то дьявольски изощренный проворачивает какие-то незаконные операции, при этом

немало потешаясь над недотепами из русской таможни и контрразведки! Нет-нет, здесь явно что-то не так!»

В конце концов, Карпов распорядился завести дело оперативной разработки под кодовым названием «Горшечники», которое до вербовки «Самурая» продвигалось ни шатко ни валко – не было источников, имевших прямые выходы на японские фирмы, сотрудничавшие с СССР.

Подозрения Карпова в отношении «Сётику» не были лишены оснований – во все времена разведки мира пользовались двумя видами прикрытий: официальным и неофициальным.

Под официальным прикрытием подразумеваются посольства, торговые и экономические миссии и иные учреждения за границей, над которыми в прямом смысле положится на ветру государственный флаг страны, действующий на местных контрразведчиков, как красная тряпка на быка. Официальное прикрытие обеспечивает надежную защиту разведчикам в случае провала, расшифровки и прочих неприятностей, от которых не застрахован ни один «рыцарь плаща и кинжала».

Но у официального прикрытия есть и один существенный недостаток: контрразведка страны пребывания заведомо подозревает всех официальных иностранных представителей в проведении подрывной деятельности, и потому, независимо от обоснованности подозрений, постоянно держит их «под колпаком».

Чтобы повысить эффективность работы своих разведчиков и вывести их из-под недремлющего ока противоборствующих спецслужб, и было придумано неофициальное прикрытие. При его создании каждая разведка использует наиболее доступные ей возможности. Оно также зависит от изощренности воображения разработчиков конкретной операции...

Советская разведка, имея весьма ограниченные возможности упрятать своих сотрудников в каких-то неправительственных учреждениях (за малым количеством таковых в СССР), широко практиковала использование разведчиков-нелегалов, превращая в иностранцев рязанских и саратовских парней и девчат.

По окончании специальных, глубоко законспирированных курсов они с чужими документами и чужой биографией-легендой направлялись в особо охраняемые и труднодоступные места и учреждения, где одно лишь появление советского человека вызвало бы переполох, не меньший, чем появление гуманоида неземной цивилизации.

В отличие от советской разведки, перед ЦРУ, английской Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС), израильским МОССАД никогда не возникало проблем по обеспечению своих сотрудников неофициальным прикрытием.

Дело в том, что в капиталистических странах всегда существовало многообразие форм собственности, и разведчики этих спецслужб могли спокойно выступать под вывеской всевозможных частных компаний и фирм. И не только своих, доморощенных, но и любой другой страны, а также транснациональных, в которых бок о бок работают граждане разных государств.

К тому же американцы, англичане и израильтяне в интересах своих разведок успешно использовали паспорта других стран, маскируя свое происхождение и отводя от себя возможные подозрения. Иногда ЦРУ, СИС и МОССАД на свои деньги попросту создавали частные фирмы-прикрытия, причем определить их национальную принадлежность было так же сложно, как без соответствующих тестов установить отца ребенка, мать которого не отличалась разборчивостью в связях с мужчинами.

О такой форме маскировки иностранных, прежде всего американских, разведчиков, прозванной профессионалами «глубоким прикрытием», Карпов был достаточно осведомлен. Поэтому он допускал, что в Японии может действовать американская секция «глубокого прикрытия», которая использует фаянсовые горшки как ширму, прикрывающую... Что? Вот это «нечто» и нужно было выяснить. А помочь в сборе доказательств о противоправной деятельности «Сётику» или тех, кто за ней стоит, реально мог «Самурай», так как в круг его служеб-

ных обязанностей входили вопросы экспорта в СССР продукции японских производителей. Именно он мог представить исчерпывающую информацию о «Сётику»: кто ее хозяин и учредители, когда она появилась на японском и международном рынках, как давно экспортирует продукцию в Европу, где еще находятся ее покупатели и контрагенты и существуют ли они вообще...

«Решено! «Сётику» станет пробным шаром для «Самурая»! – Карпов хлопнул ладонью по столу. – Посмотрим, как он отреагирует на задание по этой фирме!»

Глава вторая

Песочные замки председателя

Через два дня Карпов был на докладе у Андропова.

– Такой явки, Юрий Владимирович, в моей практике еще не бывало! – подытожил генерал свой монолог.

Андропов, заложив руки за спину, в глубокой задумчивости прошелся по кабинету и остановился у окна.

– Скандал, конечно, будет вселенский... Не исключен и ответный прессинг в отношении наших сотрудников в Вашингтоне или Нью-Йорке... Но я думаю сейчас о другом...

Карпов при этих словах весь напрягся.

– Не считаешь ли ты, Леонтий Алексеевич, что, устроив побоище, жертвами которого пали американцы, Курусу сам себе соорудил крест, а тебе осталось лишь взять в руки гвозди, молоток и... распятие готово!

– Юрий Владимирович, я полагал, что «Самурай» пригвоздил себя к нашему кресту уже тогда, когда «слил» нам информацию о Буряце и его поделщиках...

– Отчасти да... Однако на твоём месте я не стал бы обольщаться. То, что японец чисто-сердечно сообщил о Буряце, его участии в планировании и организации преступных операций с драгоценностями, наконец, об отношениях этого эстетствующего прощельги с Галиной Брежневой – еще не доказательство его готовности сотрудничать с нами. Тот его шаг можно расценивать как уступку, сделанную под определенным нажимом, – ты ведь вербовал Курусу на основе компрометирующих материалов, не так ли?

Японец, как ты изволишь выразиться, «потек», потому что не желает с треском вылететь отсюда и расстаться с дипломатической службой! Его пугает не уголовное преследование за контрабанду – он обладает дипломатическим иммунитетом и отделается высылкой из СССР – его страшит крушение карьеры, и не просто дипломатической – государственной. За границей она дорогого стоит, ценят и дорожат ею больше, чем у нас! Словом, я буду считать, что вербовка Курусу прошла успешно, и он состоялся как наш агент, лишь когда от него будут получены сведения о скрытых аспектах экономической политики Японии в отношении ее иностранных партнеров, прежде всего СССР, а пока что для меня он не «Самурай», а всего лишь дипломат по фамилии Курусу. Точка!

Андропов умолк, чтобы перевести дыхание, и Карпов не замедлил воспользоваться паузой:

– Я собираюсь дать задание «Самураю» по фирме «Сётику», я вам о ней докладывал...

– погоди, не перебивай... О чем это я говорил? Ах, да! «Слив», как ты выражаешься, информацию о краже бриллиантов, агент нанес удар нашим согражданам, а в баре были искалечены граждане США! Как говорится, почувствуйте разницу... Кстати, тебе не кажется, что своими откровениями об отношении к американцам, как и последующей агрессией в их адрес, он расчистил тебе дорогу, вручил ключик к своей душе?

«Черт подери, председатель, как всегда, бьет прямо в «десятку»! Но то, что вы, уважаемый Юрий Владимирович, собираетесь мне сказать только сейчас, мною уже давно осмыслено!» – обрадовался Карпов и бодро ответил:

– Разумеется, Юрий Владимирович, я думал об этом! Действительно, нацеливая «Самурая» на добывание интересующей нас информации, я собираюсь использовать его ненависть к американцам. То есть каждый раз, отрабатывая задание по каким-либо японским объектам, я буду подчеркивать, что, представляя нам сведения о них, «Самурай» сможет насолить американцам... Я правильно вас понял, Юрий Владимирович?

– Вот-вот, именно так! – Андропов удовлетворенно потер руки. – Но еще раз подчеркиваю, надо постараться как можно быстрее заполучить от Курусу весомую информацию об экономической стратегии и тактике Японии в отношении Советского Союза... Это, как ты понимаешь, не столько даже вопрос экономики, сколько политики! Начни с малого...

– Юрий Владимирович, я и собираюсь начать с малого, с «Сётику»! – не дождавшись окончания паузы, Карпов вновь нарушил ход рассуждений председателя.

– Далась тебе эта «Сётику»! Дойдет очередь и до нее! – Андропов уже с трудом сдерживал раздражение. – Мне надо, чтобы твоя Служба прояснила ситуацию с вывозом одной японской фирмой нашего морского песка...

– Песка?!

– Да-да, ты не ослышался – именно песка! Фирма зачем-то тайно вывозит его с побережья Камчатки уже в течение более полугода, а вот зачем, мы до сих пор не знаем...

– Юрий Владимирович, может быть, в этом песке японцы обнаружили нечто такое, что может быть использовано ими в высоких технологиях? – высказал предположение Карпов, пытаясь определить, к чему клонит шеф.

– Ерунда это все! Песок, он и есть песок. Вот, полюбуйся! – с этими словами председатель открыл сейф и подал генералу папку для входящих шифртелеграмм.

Шифртелеграмма №-1983\081 от 22.01.82 г.

члену Политбюро ЦК КПСС

председателю КГБ СССР

генералу армии Андропову Ю.В.

Распоряжением Совета Министров СССР № 1339-Р от 10.08.81 г. японской фирме «Икебуко» отдан в аренду сроком на один год участок прибрежной полосы (песчаная коса) протяженностью 12 000 м и шириной 500 м в районе пос. Озерновский (юго-восточная оконечность Камчатского п-ова). Официально на арендуемой территории «Икебуко» намерена возвести временный порт для своих рыболовецких судов, ведущих промысел в Алеутской котловине Берингова моря.

Следует отметить, что с момента вступления в силу договора об аренде японцы по периметру участка возвели ограду из колючей проволоки с сигнализацией и выставили вооруженную охрану.

Наблюдением за действиями японцев, проводимым с пограничных катеров, установлено, что до настоящего времени фирмой «Икебуко» на участок не завезено никаких строительных материалов. Вместе с тем, используя многочисленные экскаваторы, землеройные машины и плавучие насосные станции, японцы круглосуточно (ночью – при свете прожекторов) ведут выемку грунта (черного песка) не только на арендуемой территории, но также со дна прилегающей морской акватории.

Эти свои действия руководство «Икебуко» называет «подготовительными работами», предшествующими возведению портовых построек.

По мнению наших инженеров-строителей, это объяснение звучит неубедительно, так как объем уже выполненных японцами земляных работ соотносим разве что со строительством метрополитена, но никак не с возведением временных портовых сооружений.

Обращает на себя внимание тот факт, что вынимаемый грунт (черный песок) грузится на рыболовецкие траулеры, принадлежащие «Икебуко», и отправляется в неустановленном направлении.

Из официальных объяснений, полученных от руководства фирмы, следует, что песок сбрасывается в открытое море, однако, по неподтвержденным данным, песок вывозится в Японию, где перерабатывается на специальных фабриках.

С учетом изложенного прошу Вашего указания установить истинные намерения японцев при заключении договора об аренде песчаной косы и рассмотреть целесообразность его продления в 1982 – 83 гг.

*Начальник УКГБ СССР по Камчатской области
генерал-майор Демидов М.С.*

– Давненко я, Юрий Владимирович, не строил песочных замков...

В глазах Карпова мелькнули лукавые искорки.

– Никто тебе и не предлагает, Леонтий Алексеевич, – не заметив иронии, живо отреагировал Андропов. – Этим займется будущий начальник экономической контрразведки генерал-майор Щербак... Тебе же надо через Курусу выяснить, на что идет вывозимый караванами судов камчатский песок...

«Давно пора уже было создать экономическую контрразведку! – подумал Карпов. – А то всю экономику отдали на откуп МВД, Щёлокову... Пустили козла в огород! Можно подумать, что КГБ всего лишь печется об идеологическом здоровье масс... А защита госсекретов, а шпионы?!»

– Я тебе шифртелеграмму еще вот для чего показал... Тебе не кажется, что японцы повели фронтальное наступление с целью овладеть нашими сырьевыми ресурсами?

– Да-да, конечно, Юрий Владимирович! – генерал не замедлил подхватить мысль шефа. – Сначала «Сётику», теперь вот «Икебуко»... И все-то у них с виду простенько, как-то вроде по-детски, даже и придраться не к чему... То вазочки фаянсовые в глаза нам суют, теперь вот песком мозги решили запудрить...

И в этот раз не заметив иронии в словах подчиненного, Андропов продолжал:

– Нет, ты можешь себе такое представить, Леонтий Алексеевич? Япония, входящая в клуб десяти самых развитых в промышленном отношении стран, и вдруг скрытно похищает у нас песок, причем караванами! У меня это в голове не укладывается, я отказываюсь что-либо понимать и принимать на веру! Дело твоей чекистской чести – выяснить, зачем японцам понадобилось столько песка!

– А может быть, – не унимался Карпов, – японцы освоили какую-то неизвестную миру технологию по переработке песка во что-то более ценное? Я тут недавно в газете прочитал, что шведы научились из слоновьего дерьма делать высококачественную бумагу... В один присест слон выдает на-гора 20 килограммов экскрементов, а шведы из него – 2 000 листов писчей бумаги, которую мы у них за валюту покупаем. Может, и японцы из говна, то есть из песка, научились алмазы делать?..

– Ты мне, Леонтий Алексеевич, проблему с песком не переводи в говеную плоскость! Сказано тебе: изготовить из песка алмазы невозможно. Остальное – это воспаленное воображение и утопия!

– Но для чего-то ведь японцы закупают песок! – обиженно произнес Карпов.

– А вот это и предстоит тебе выяснить! – немедленно отреагировал Андропов.

«Ловко запрягает меня председатель! – подумал Карпов – Ну, Юрий Владимирович, ну виртуоз! Но меня беспокоит другое, вы уж не обессудьте, шеф... Первым заместителем министра внешней торговли, курирующим вопросы заключения договоров с иностранными партнерами, является Юрий Леонидович Брежнев, сын генсека. Раскопай я в заключенной сынком сделке с песком какие-то нарушения, начиная от получения им взятки за предоставление режима наибольшего благоприятствования покупателю и кончая нанесением ущерба государственной безопасности, меня же первого и сожрут. Ну, не вас же, Юрий Владимирович! Вы – неуязвимы. А после того, как я положил вам на стол информацию «Самурая» о Буряце и его связи с Галиной Брежневой, вы вообще стали неприкасаемым! Но когда клан Брежнева вознамерится зажарить меня на вертеле, вы же первым откреститесь от Карпова!»

Генерал решил прояснить ситуацию, задав внешне невинный вопрос:

– Юрий Владимирович, если я не ошибаюсь, вопросами заключения договоров с зарубежьем ведаёт Министерство внешней торговли?..

Карпов умолк, ожидая ответной реакции шефа.

– Это – вопрос не вашей компетенции, генерал! – С раздражением ответил председатель, поняв, к чему клонит подчиненный: боится оказаться крайним и лишиться погон. – Знайте, вы ничем не рискуете, выполняя мое личное поручение по выяснению цели масштабной кражи японцами нашего песка! Вы вот сейчас мысленно запаниковали, мол, «сдаст» меня Андропов, если в ведомстве сына Леонида Ильича будет обнаружено что-то противозаконное. Ошибка! Не «сдал» же я вас после того, как Курусу представил информацию на Галину Леонидовну?

– Никак нет, Юрий Владимирович!

– А после вашего конфликта с Семеном Цвигуном?

– Никак нет, Юрий Владимирович!

– То-то же! Время не разбрасывать, но собирать камни!

Недобро блеснув стеклами очков в сторону окаменевшего в кресле Карпова, Андропов извлек из тумбочки стола кувшин и стал поливать стоявшие на специальной подставке цветы. Вдруг, оставив кувшин, председатель торопливо подошел к столу и начал листать настольный календарь. Когда он поднял голову, генерал вновь увидел привычного Юрия Владимировича, спокойного и ироничного.

– Впрочем, Леонтий Алексеевич, твоя взяла – начни с «Сётику». – Председатель снова перешел на «ты». – К песку мы вернемся позже... Мне тут кое-какие организационные вопросы, связанные с заключением Внешторгом договора об аренде нашей территории, надо решить... Н-да... Скажи, сколько времени может занять работа по «Сётику»?

Карпов от удивления всем корпусом откинулся на спинку стула.

«Юрий Владимирович, вы же сами прекрасно знаете, что ахиллесова пята контрразведки – это прогнозирование. Кто может ответить на ваш вопрос?! Сколько времени? А почему бы вам не спросить, в какую сумму эта работа обойдется?! Сколько времени! Ничего себе вопросик!»

Вслух же Карпов произнес иное:

– Сколько времени вы мне даете, Юрий Владимирович?

Карпов с опозданием понял свою ошибку. Андропов круто пресекал попытки подчиненных уйти от ответа на поставленный им вопрос, а уж с теми ловкачами, которые пытались на его вопрос ответить встречным, вообще переставал общаться с глазу на глаз. Но на этот раз пронесло!

Председатель, расхаживая посреди кабинета, был настолько увлечен своими мыслями, что даже не обратил внимания на оплошность генерала. Вместо взбучки Карпов получил ответ, повергший его в крайнее недоумение: уж не забыл ли председатель о его присутствии? Уж не бредит ли шеф?!

Тем временем Андропов в состоянии какого-то сомнамбулического оцепенения расхаживал по кабинету, бормоча себе под нос:

– Чазов полагает, что Леонид Ильич после самоубийства свояка, Семена Цвигуна, оклемается нескоро... Отсутствовать будет, как минимум, до конца января... Заседания Политбюро отменены до его выздоровления... Если его состояние не улучшится к февралю, он вынужден будет передать право вести заседания мне... Может, дожидаться февраля и самому решить вопрос с договором об аренде? Или рискнуть, не дожидаясь? Может, все-таки начать с «Сётику»?.. Если наши усилия окажутся результативны, это станет моим козырем и тогда можно, не откладывая до лучших времен, поднимать вопрос о заключении Внешторгом договора с «Икебуко» даже в присутствии генерального... Н-да, дилемма!

Неожиданно обернувшись к Карпову, Андропов безо всякого перехода сказал, как отрезал:

– Даю две недели! Управишься?

– Юрий Владимирович, – взмолился Карпов, – я ведь только собираюсь ввести «Самурая» в разработку «Горшечники», то есть «Сётику»... Я еще не знаю, есть ли у агента выходы на фигурантов дела, может быть, у него имеются другие возможности... Но несмотря ни на что, я считаю разработку «Горшечники» делом перспективным... Думаю, Юрий Владимирович, «Самурай» не подведет! – в мажорной тональности закончил генерал.

– Он думает! Уж как вы все думаете, мне известно... Я недавно прошел по кабинетам начальствующего состава центрального аппарата. Было часов десять вечера. Захожу к одному генералу, другому, третьему. Сидят, пишут что-то, звонят куда-то, отвечают на телефонные звонки. Пригласил я их к себе в кабинет и спрашиваю: «Что вы делаете так поздно?» – «Работаем...» – «А что вы делаете днем?» – «И днем работаем...» – «И по утрам тоже работаете?» – «Разумеется, товарищ председатель, работаем и утром!»

Вот мне и любопытно стало, когда же они думают, если постоянно заняты работой?! К тебе, Леонтий Алексеевич, это тоже относится. Ты ведь тоже только и делаешь, что работаешь... А думать начинаешь в моем кабинете, не так ли? А подумать есть о чем. Мы сейчас наблюдаем закат эры... И крушение кланов. Тебе, конечно, это в голову не приходило... А пора бы уж, раздвинув шторы, выглянуть в окно, узнать, чем живет наш народ!..

«Вот, оказывается, на что вы замахнулись, Юрий Владимирович! Уж, не на место ли генсека метите, коль скоро о народе заговорили? Все с этого начинают, а потом... Ладно, к черту! Воистину: «по Сеньке и шапка» – вы о народном благе печетесь, а мне Внешторгом и Юрием Леонидовичем заниматься... Стоп! А что если Андропов таким образом решил расчистить себе путь к трону: дочь Галину скомпрометировал с моей помощью, теперь моими же руками сына Юрия собирается убрать? Их отца-старика в открытом поединке ему пока еще не осилить, но стоит ослабить его детей на весь Советский Союз, смотришь, не выдержит отцовское сердце и он сам дойдет до точки, он же – доходяга! Ловко вы с брежневской семьей хотите расправиться: клан вышибить кланом! Вы уже начали кампанию по дискредитации генсека, поручив председателю Гостелерадио Лапину ежедневно передавать по всем каналам хронику публичной жизни и выступлений Леонида Ильича как и бесконечное вручение наград – пусть весь народ видит его маразм и немощность управлять державой. Ежедневная демонстрация на экране выжившего из ума вождя еще больше дискредитирует его в глазах мирового сообщества... Судя по всему, не сам по себе песок или его похищение японцами вас заботит, Юрий Владимирович! Вам нужно публично разоблачить роль сына Брежнева в заключении договора на аренду нашей территории, чтобы окончательно подорвать позиции генсека, а там, смотришь, на царствие вас пригласят... Удастся ли вам, шеф, возвести свои замки на песке?!»

Андропов прервал размышления Карпова. Сказал, как гвоздь вбил:

– Форсируй разработку «Сётику», а затем спокойно и вдумчиво разберись с причинами масштабного похищения японцами нашего песка. И ролью Юрия Леонидовича в этой сделке... Все ясно?

– Так точно, това...

Андропов жестом остановил Карпова.

– Ты же знаешь, субординационное декламирование мне не по душе...

Председатель вернулся к своему столу, грузно опустился в кресло и стал неторопливо перебирать бумаги.

Поняв, что аудиенция окончена, Карпов напоследок решил перевести стрелки беседы в чисто оперативную плоскость.

– Так что же мы будем делать с «Самураем», Юрий Владимирович?

Задавая вопрос, генерал имел в виду возможные санкции в отношении агента за дебош в баре.

– Что будем делать? Завидовать будем! Мы ведь с тобой, Леонтий Алексеевич, ни президенту США, ни директору ЦРУ голову раскроить не можем. А жаль! – с усмешкой ответил Андропов. – А если говорить серьезно, то ты у нас, Леонтий Алексеевич – один из самых опытных агентуристов и отменный психолог. Ты всегда был настоящим ловцом человеческих душ. В расставленные тобой силки залетали птицы и более высокого полета, чем Иосихису Курусу... Он в сравнении с ними – серый воробушек. Словом, японец у тебя на связи, вот ты и решай сам, что с ним делать! Помнится, перед вербовкой ты заверял меня, что он – кладезь оперативно значимой информации, относящейся к компетенции Второго главка, не так ли? Вот и посмотрим, что он за кладезь, когда он отработает «Сётику»!

«Не удержался-таки старик от издевки! Не смог отказать себе в удовольствии... А так хорошо начал: и «отменный психолог», и «ловец душ»... Что ж, и на том спасибо, Юрий Владимирович. Я в долгу не останусь!»

– Вы, Юрий Владимирович, как всегда, на гребне волны...

– Верно! Потому что именно *Я* поднимаю эту волну! – немедленно отреагировал Андропов.

И Карпов, и Андропов остались довольны друг другом.

Генерал – потому, что сумел настоять на своем, отсрочив решение «песочной проблемы», а заодно и разработку сына генсека.

Председатель – потому, что, как ему казалось, расширил круг своей личной агентуры в руководстве центрального аппарата КГБ, «завербовав» еще одного единомышленника. Скоро, очень скоро такие генералы могут понадобиться в решающей схватке за главенство в партии и в государстве...

Уже взявшись за ручку двери, Карпов обернулся.

– Прощу прощения, Юрий Владимирович, – генерал не мог упустить такой шанс, – в Центральном аппарате циркулируют диаметрально противоположные версии о самоубийстве вашего первого зама, Семена Цвигуна...

Андропов, будто только и ждал этого, живо предложил:

– Поговори на эту тему с моим бывшим начальником канцелярии, да-да, с начальником Первого главка (внешняя разведка), с Владимиром Александровичем Крючковым, он сейчас дожидается в приемной...

Крючков охотно изложил свою точку зрения на обстоятельства, которые привели к смерти Семена Цвигуна.

Во время плановой диспансеризации руководящего состава КГБ врачи обнаружили у Цвигуна злокачественную опухоль в правом легком. На его удачу, она была еще операбельной. Ведущий хирург сановных клиник Марк Перельман провел блестящую операцию, удалив пораженную раком часть больного органа. Казалось, все обошлось, как вдруг по прошествии нескольких лет Цвигуна начали мучить кошмарные головные боли, у него стала развиваться глубочайшая парамнезия, иногда он терял ориентацию во времени и пространстве. Все чаще он оказывался прикованным к постели в специализированных кремлевских клиниках. Каждый раз по выходе из лазарета Цвигун устремлялся на Лубянку в свой кабинет. Однако там он запирался и ничего не делал, пребывая в глубочайшей депрессии. Болезненное состояние усугублялось тем, что некогда лощенный и самодовольный генерал, окруженный свитой подхалимов, вдруг оказался в полном одиночестве: никто не хотел признавать в нем еще недавно могущественного свояка генерального секретаря...

– За две недели до его кончины, – невозмутимо продолжал «оруженосец», – у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого этот конвойный пес Юрия Владими-

ровича уже путал свое имя и отчество! – продолжал смаковать подробности Крючков, найдя в лице Карпова заинтересованного слушателя:

– 19 января Семен Кузьмич почувствовал себя настолько хорошо, что вызвал машину для поездки на дачу. Со слов водителя, в отличие от прежних дней Цвигун вел спокойный, вполне осмысленный разговор. Прогуливаясь на даче по дорожке, вдруг проявил интерес к личному оружию водителя. Поинтересовался, пользуется ли он им и в каком состоянии содержится пистолет, потому что по уставу, мол, оружие всегда должно быть в полной готовности, а затем попросил показать его. Подержал пистолет на ладони, словно взвешивая, и неожиданно положил его себе в карман.

Водитель удивился, но ничего не сказал.

Повалил снег и охранник принялся очищать дорожку. Цвигун спросил, куда она ведет. – «А никуда, упирается в забор...» – «Вот и хорошо, что никуда», – сказал генерал и, приблизившись к насыпанной водителем куче снега, вынул «макаров» и выстрелил себе в висок.

Крючков вынул из портфеля лист бумаги и подал его Карпову.

«Усово, дача 43, «Скорая помощь». 19 января 1982 года 16.55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица.

Реанимация, непрямой массаж сердца, интубация. В 17.00 прибыла реанимационная бригада. Мероприятия по реанимации, проводившиеся в течение 20 минут, не дали эффекта, прекращены. Констатирована смерть.

В 16.15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил себе в висок из пистолета «макаров». Подписи пяти врачей».

Молча Карпов вернул документ улыбающемуся Крючкову.

«Черт подери, прямо какой-то сеанс садомазохизма! Это ж как надо ненавидеть Цвигуна, чтобы таскать в портфеле заключение о его смерти!»

– Вы, конечно, Леонтий Алексеевич, обратили внимание, что генеральный не подписал некролога, – как ни в чем не бывало, продолжал Крючков, – что бы там ни говорили, а сделал он это по одной лишь причине: Леонид Ильич суеверно боится самоубийц!

Не попрощавшись, Карпов стремглав покинул приемную.

Глава третья

Благословение Андропова

Через несколько дней «Самурай» вызвал генерала на экстренную встречу, в ходе которой сообщил добытые им сведения о «Сётику».

С его слов выходило, что после очередного финансового кризиса в Японии, фирма оказалась на грани банкротства, что повлекло за собой смену ее руководства.

Новый президент Хидэё Арита не нашел ничего лучшего, как воспользоваться предложением о сотрудничестве, поступившем от одной американской компании, ведущей разработки в области радиоэлектроники. Ни названия компании, ни характера и направленности проводимых ею разработок агенту выяснить не удалось, так как ее продукция никогда не была представлена на мировом рынке радиоэлектронного оборудования.

По данным агента, полгода назад руководство «Сётику» по непонятным причинам стало демонстративно открещиваться от сотрудничества с американцами, хотя фактически оно развивалось, и довольно успешно.

Более всего удивляло «Самурая» то, что произошло это вслед за тем, как американцы выделили фирме безвозвратный кредит, сумма которого в несколько раз превышала ее годовой оборотный капитал.

Агенту удалось выяснить, что переговоры о выделении денег проходили в обстановке повышенной секретности, их содержание осталось тайной за семью печатями, в которую посвящены были только два человека: президент и старший вице-президент фирмы. Ни протокол намерений, ни договор о сотрудничестве не подписывались.

Впрочем, с точки зрения Карпова, все это не выходило за рамки чисто организационных вопросов. В представленной «Самураем» информации генерал искал и не находил ответа на самый главный вопрос: что может быть общего между японской фирмой, осуществляющей контейнерные перевозки по территории СССР экспортной продукции отечественных производителей, с американской компанией, занимающейся производством радиоэлектроники неизвестного предназначения?

Безусловно, генерал обратил внимание на необъяснимую, с точки зрения расчетливого бизнесмена и законов коммерции, филантропию американцев, которые, выдав сказочно щедрый кредит, по сути, способствовали возрождению «Сётику».

Не осталось незамеченным Карповым и то обстоятельство, что вслед за получением кредита японцы максимально засекретили не только характер и содержание своих отношений с американцами, но и сам факт существования таковых. Но все это генерал считал производным, вторичным. Он был убежден, что, докопавшись мы до первопричины, заставившей американцев искать сближения с «Сётику», можно было ответить и на остальные вопросы.

Еще через день Карпов, докладывая Андропову о ходе работы по делу оперативной разработки «Горшечники», предложил одним ударом разрубить узел безответных вопросов.

– Каким образом? – поинтересовался председатель.

– Очень просто, Юрий Владимирович, – бойко ответил Карпов. – Получив информацию о прибытии в Находку контейнеров с японскими черепками, я вылетаю туда и на месте выясняю, что в действительности собираются перегонять через весь Советский Союз японцы, выполняя задание американцев...

– Ну, а почему ты решил, что «Сётику» действует по заданию американцев?

– К тому, что вам уже известно об этой фирме и ее отношениях с загадочной американской компанией, производящей электронику неизвестного назначения, я могу добавить лишь одно: старые, проверенные меха наполнились молодым вином неуставленного качества...

– А если без аллегорий?

– Меха – это «Сётику», которая за долгие годы сотрудничества с нами зарекомендовала себя как добросовестный и законопослушный партнер. Вино – это продукция, выпускаемая американской компанией. Кстати, тот факт, что ни о ней, ни о производимых ею товарах ничего не известно в японских деловых кругах, можно расценить как косвенное свидетельство того, что она работает на военно-промышленный комплекс США...

– Ну, и при чем здесь «Сётику»?

– А притом, что американцам как раз и нужен такой проверенный нами и положительно зарекомендовавший себя перевозчик, как «Сётику». Им нужна не столько сама фирма, сколько ее доброе имя, вывеска! Исходя из предположения, что американская компания работает на ВПК, я пришел к заключению, что она с помощью своего японского партнера проталкивает в Западную Европу ни какую-нибудь контрабанду, Боже упаси! – транспортируют нечто более серьезное...

– Что именно? – вырвалось у Андропова, которого заинтриговала тема, развиваемая его подчиненным.

– А вот это «нечто» я и собираюсь выяснить, проведя негласный досмотр контейнеров... С вашего разрешения, разумеется!

– Ну, а если ожидаемый тобою рейс окажется порожним? – не сдавался председатель. – Что тогда? Ты представляешь, в какую сумму нам обойдутся штрафные санкции за вскрытие контейнеров, и как нам это аукнется в деловом мире?!

– Юрий Владимирович, осечки быть не может! – бодро ответил Карпов. – Я все просчитал. Результат будет положительный! А он, по-моему, важнее санкций. Так что вскрывать буду сам! Кроме того, не вы ли, Юрий Владимирович, сказали: «Отсутствие в поведении разведчиков признаков, указывающих на проведение ими враждебных акций, – это не их заслуга, это – недоработка нашей контрразведки». – Вот я и решил недоработок не допускать...

– Рисковый ты парень, Леонтий Алексеевич, – покачал головой польщенный Андропов. – Знай, даже если ты и найдешь что-то в контейнерах, это не снимет с тебя ответственности за выполнение моего задания по песку... В общем, так, Леонтий Алексеевич, принимайся за «Сётику»!

– Слушаюсь, товарищ генерал армии, «Карфаген должен быть разрушен»! – Карпов не мог отказать себе в удовольствии съязвить.

Глава четвертая «Горшечники» разбились вдребезги

Как только «Самурай» сообщил дату доставки очередной партии «горшков» из Японии в порт Находку, Карпов немедленно вылетел во Владивосток.

Прибывшие контейнеры перегрузили с парохода на открытые платформы, и они стояли «под парами», чтобы отправиться по Транссибирской магистрали в путешествие по нашей стране. Чтобы не насторожить японских экспедиторов, доставивших груз, Карпов распорядился дать составу «зеленый сигнал»!

В двадцати километрах от Находки платформу отцепили и, загнав ее в заранее подготовленный пакгауз, принялись осматривать контейнеры.

Удача! Один из них имел не предусмотренные для обычных контейнеров форточки, похожие на дверцы, закрывающие иллюминаторы на судах. Странно, что таможенники раньше не обратили внимание на них! Карпов, которого обуял азарт охотника, преследующего раненого зверя, дал указание немедленно вскрыть контейнер.

– Как! – возразил ему начальник управления КГБ по Приморскому краю, – а пломбы?! Их нарушать нельзя! Да и вообще, в отсутствие отправителя или получателя досматривать мирный груз иностранного государства запрещено. Вы, Леонтий Алексеевич, ставите на карту престиж страны... В моей практике это беспрецедентный случай, тем более что вы находитесь на территории моей ответственности! Вопрос надо бы согласовать с Москвой...

– Иванваныч, – засмеялся Карпов, – ты сумеешь приготовить яичницу, не разбив яиц? Я – нет! А если серьезно, то вот она, Москва... Перед тобой! – при этом генерал ткнул пальцем себе в грудь. – Я преодолел девять часовых поясов, чтобы всю ответственность взять на себя! Какое еще согласование?! У тебя под носом курсируют горшки с форточками, а ты ни сном, ни духом... И вдруг вспомнил, что пломбы срывать нельзя! Ты где деньги получаешь, в КГБ или в ЦРУ?!

Генерал осекся, поняв, что переборщил.

– Ну, я этого так не оставлю! – взревел Иванваныч. – Напишу в партком Комитета, чтобы вас, Леонтий Алексеевич, там научили подбирать слова!

Карпов всегда испытывал чувство брезгливости к тем сотрудникам, кто в качестве своего самого сильного аргумента в споре использовал угрозу обратиться в партком. Да и вообще, считал генерал, парткомы в системе КГБ нужны не более, чем священники в публичных домах. Кровь ударила Леонтию Алексеевичу в лицо и, едва сдержавшись, он бросил вслед удалявшемуся к своей машине Иванванычу:

– Давай, пиши, начальник местечковой контрразведки... Я отвезу твою писульку, чего уж там! – усмехнулся Карпов. Ведь отправляясь в Приморье, он получил благословение от самого председателя. – Но знай, еще до того, как меня вызовут на партком, я в кадрах поставлю вопрос о твоём служебном соответствии!

* * *

Срезали пломбы, распахнули двери. По всей длине контейнера от пола до потолка сложены аккуратно упакованные ящики. Вскрыли первый... второй... десятый. В мягкой упаковке оказались расписанные японскими кустарями фаянсовые вазы.

«Неужели ошибка? – генерал вытер платком лоб, покрывшийся испариной. – Не может быть! Нет-нет, не мог я так грубо ошибиться!»

Обернувшись, Карпов встретился взглядом с ехидно улыбающимся приморским начальником. Мгновенно взяв себя в руки, бесстрастным голосом спросил:

– Ну что? Уже написал? Давай сюда свой пасквиль!

Иванваныч лишь отошел в сторону.

Досмотр продолжили. Аккуратно, чтобы не повредить, вскрывали все ящики подряд. Наконец, после того как поисковики вытащили наружу и распотрошили более пятидесяти ящиков, они наткнулись на фанерную перегородку, за которой скрывалось помещение размером с ванную комнату, загромажденное загадочной аппаратурой. Не комната – кабина космического корабля!

Экспертам, которых Карпов привез из Москвы, предполагая, что дело придется иметь с радиоэлектронными штучками, потребовалось около шести часов, чтобы сделать предварительное заключение.

Это была сложная система, оснащенная блоками регистрации гамма-излучений и питания, накопления и обработки поступившей информации. Кроме того, там находились дозиметры и фоторегистрирующая аппаратура. Система была абсолютно автономна, так как управлялась компьютером.

Внимательно изучив всю эту фантастическую аппаратуру, эксперты пришли к выводу, что в контейнере находится специальная лаборатория, способная собирать и накапливать информацию на всем протяжении пути от Находки до Ленинграда...

При более тщательном обследовании, проведенном уже в Москве, специалисты установили, что уникальная разведывательная система фиксировала наличие мест, где проводилась выемка ураносодержащего сырья, а также производственные объекты по его переработке. Она была способна «засечь» транспорт, на котором перевозились компоненты атомного производства и даже определить направление его движения. В местах наиболее интенсивного радиоактивного излучения автоматически открывались вентиляционные заслонки контейнера, и производилась фотосъемка окружающей местности глубиной до нескольких километров по обе стороны железнодорожного полотна. Счетчики излучений и фоторегистрации, а также спидометры давали возможность точно определять, где именно находится данный объект.

Таким образом, обнаруженная аппаратура могла скрытно «прошупывать» довольно обширное пространство вдоль всей Транссибирской магистрали, устанавливая и контролировать перемещение наших атомных объектов.

Генерал Карпов понял, почему в сопроводительных документах были заявлены именно вазы. Заяви «Сётику» о перевозке бамбуковых циновок, и кто знает, как к контейнерам отнеслись бы русские грузчики, а фаянсовые изделия – товар хрупкий, требует особо бережного отношения: не кантовать, с горки не спускать! Очевидно, отправители рассчитывали, что декларируя в качестве груза легко бьющиеся предметы, они тем самым заставят наших рабочих проводить погрузочные операции с особой осторожностью. А это – залог того, что ценнейшая аппаратура (впоследствии нашими специалистами она была оценена в 200 миллионов долларов!) прибудет в пункт назначения в целостности и сохранности. Конечно, фирма могла бы указать и бытовую радиоэлектронику – не менее хрупкий груз, также требующий деликатного обращения, но в этом случае не было никакой гарантии, что контейнеры не подвергнутся разграблению. Платформы-то открытые и неохраняемые...

...Лаборатория на колесах использовалась по следующей схеме: завершив пиратский рейд в глубь территории СССР, она из Гамбурга переправлялась в Штаты, и после снятия информации ее обратно доставляли в Японию, и все повторялось бы снова и снова... Установить, сколько оборотов проделала «карусель», не представилось возможным. Нам оставалось уповать на то, что до разоблачения и экспроприации лаборатории, в контейнерах находились

только фаянсовые вазы. Должны же были истинные хозяева контейнеров сначала проделать несколько экспериментальных рейсов, а не лезть в воду, не зная броду!

...Нелегко пришлось руководству «Сётику», на которое пало подозрение в пособничестве Центральному разведывательному управлению.

Чтобы сохранить свой бизнес на нашем рынке, президент фирмы Арита Хидэё срочно прилетел в Москву, чтобы пробиться на прием к председателю Совета министров. Тихонов продержал Хидэё в приемной целую неделю, ожидая, когда Леонид Ильич поднимется с больничной койки, но в итоге был вынужден обратиться за консультацией к Андропову, который после смерти Суслова стал в партии и государстве человеком «номер два».

Добившись наконец аудиенции, президент слезно умолял председателя не предавать дело огласке и инициативно предложил нам в качестве компенсации полмиллиона долларов. Тихонов, памятуя наказ Юрия Владимировича, согласился. Молчание, оно дорого стоит! Скорее всего Хидэё выложил деньги не из своего кармана – из кассы так и оставшейся инкогнито американской компании по производству электронной чудо-аппаратуры.

Это осталось за кадром, как, впрочем, и то, что в качестве компенсации за риск и моральные перегрузки получил кругленькую сумму в «зеленых» и «Самурай»...

Словом, все сработало неплохо, и те, кто придумал, и те, кто разгадал. Разумеется, и те, кто помог разгадать!

* * *

На очередной явке Карпов, вручив «Самураю» вознаграждение, более получаса растолковывал ему, как плохие американские дяди из ЦРУ используют в своих темных делах не только доброе имя наивных японских бизнесменов, но и их фирмы.

Лекцию по программе чекистского ликбеза генерал подытожил так:

– Уважаемый Курусу-сан! Происки американского империализма против миролюбивых сил не заканчиваются использованием в своих грязных целях фирмы «Сётику». У нас есть основания подозревать, что и государственное предприятие «Икебуко» также играет роль ширмы, за которой скрывается Центральное разведывательное управление... Был бы вам очень признателен за предоставление сведений о скрытых аспектах ее деятельности.

– Насколько мне известно, «Икебуко», в отличие от «Сётику», государственное предприятие и не нуждается в частных, тем более, иностранных инвестициях. Вряд ли администрация предприятия будет рисковать имиджем...

– И тем не менее Курусу-сан. Могу лишь добавить, что дело весьма срочное и... высокооплачиваемое!

Глава пятая

Тайна «Черного песка»

Радостно возбужденный Карпов вернулся на Лубянку с явки – «Самурай» опять не подвел! Теперь можно и ответить председателю на его подначку, пусть убедится сам, что японец – настоящий кладезь оперативно значимой информации!

Едва генерал переступил порог своего кабинета, как раздалась малиновая трель аппарата прямой связи с председателем. На собственном опыте генерал убедился, что такие совпадения происходят, лишь, когда звонящий очень часто набирает твой номер.

– Где ты ходишь?! – раздалось в трубке. – Зайди немедленно!

Несмотря на командный тон в голосе шефа Карпову послышалась некоторая растерянность.

Войдя в кабинет, генерал по знаку Андропова сел в кресло напротив и поразился необычно удрученному выражению его лица. Несколько минут сидели молча. Андропов – опустив глаза. Карпов, всматриваясь в него, пытался понять, что происходит.

«Что же могло такого случиться на Политбюро? На вас, Юрий Владимирович, лица нет!»

По какому-то совершенно необъяснимому импульсивному движению души генерал неожиданно для самого себя сказал:

– Юрий Владимирович, интуиция вас не подвела: тайна похищения японцами камчатского песка раскрыта! «Самурай» в подробностях изложил механизм этой аферы! Руководство Внешторга – у вас в кармане... Оно не только главный подписант договора с «Икебуко» об аренде песчаной косы, но и локомотив, протаскивший идею японцев на заседание Политбюро... Агентом представлена информация, раскрывающая механизм разграбления природных богатств Камчатки японской государственной фирмой «Икебуко»! И все это благодаря радуению нашего предсовмина – вслед за его распоряжением японцы с минимальными затратами, открытым способом, у нас под носом ведут добычу редкоземельных металлов, золота, платины...

Все это Карпов выпалил залпом. И вдруг увидел выражение лица Андропова. Тот смотрел на собеседника каким-то настороженным змеиным взглядом несколько долгих минут и молчал. Пауза затягивалась. Наконец председатель расщепил губы и хриплым от внутреннего напряжения голосом спросил:

– Доказательства изложены письменно?

– Так точно, Юрий Владимирович! – с энтузиазмом ответил Карпов и тотчас выхватил из папки лист бумаги.

Агентурное донесение

«Выполняя Ваше задание по выяснению скрытых аспектов деятельности государственного предприятия «Икебуко», источник во время служебной командировки в Токио встретился и имел беседу со своим одноклассником, Иту Ритсу, который в настоящее время является членом наблюдательного совета указанного предприятия.

Следует отметить, что, несмотря на длительный перерыв в наших отношениях, разницу в занимаемом положении в обществе и материальном достатке, Иту Ритсу сохранил к источнику дружеские чувства, вел себя искренне, о чем могут свидетельствовать представленные им сведения о деятельности «Икебуко» на советском рынке.

Во время беседы, проходившей в ресторане «Сиехиро», Иту Ритсу на мой недоуменный вопрос: зачем его фирме понадобилось сооружать порт на Камчатском полуострове, со смехом пояснил, что взятая в аренду территория является предметом, но отнюдь не целью заключения

контракта. А строительство там портовых сооружений – это блеф, который играет роль своего рода маскировки в получении доступа к так называемому «черному песку».

Далее он рассказал следующее.

Действующий вулкан Майон, расположенный неподалеку от острова Катандуанес (Филиппины), регулярно выбрасывает в прибрежные воды Филиппинского моря вулканический пепел, который по дну Идзу-Бонинского и Японского желоба тихоокеанским течением выносится только на побережье Камчатки, конкретно – в район поселка Озерновский.

Таким образом, прибрежная полоса усыпана вулканическим пеплом, прозванным специалистами «черным песком». Он буквально перенасыщен редкоземельными элементами, такими как: скандий, иттрий, лантан и лантаниды. Кроме того, в «черном песке» высокое содержание золота и платины.

Ферриты, содержащие скандий, – это элементы памяти всех компьютеров, а сплавы скандия – перспективные конструкционные материалы в авиации и электротехнике.

Иттрий используется в качестве легирующей добавки для повышения электропроводности радиодеталей.

Лантан и лантаниды используются в электронике, лазерной и оптической технике.

Прибрежная зона в поселке Озерновском – это единственное место на земном шаре, где открытым способом можно добывать перечисленные редкоземельные металлы.

«Русские буквально топчут сапогами бриллианты! – заявил Ритсу. – Похоже, они им не нужны, вот мы и нашли им применение!»

Необходимо отметить, что администрация «Икебуко» в целях конспирации нанимает обслуживающий персонал траулеров только на один рейс. Никто из них не должен быть профессиональным моряком или членом профсоюза. Все они, как правило, выходцы из Вьетнама, Лаоса или Индонезии, готовые за гроши исполнить любую работу.

По завершении разгрузочных работ поденщиков, партиями по пять человек, под присмотром вооруженных охранников препровождают в кают-компанию, где им вручают по пять долларов и кормят. При этом насильно заставляют выпить по стакану рисовой водки, в которую подмешиваются наркотики, вызывающие временное нарушение памяти. (Делается это для того, чтобы по списанию на берег ни один из рабочих не мог вспомнить, чем он занимался на судне.)

По словам Иту Ритсу за один рейс караваном зафрахтованных траулеров в Японию доставляется до 10 тысяч тонн «черного песка».

В дальнейшем выплавленные металлы «Икебуко» продает на внутреннем и международном рынках фирмам, производящим радиоэлектронное, лазерное и оптическое оборудование, которое экспортируется во все страны мира, в том числе и в СССР. Производство редкоземельных металлов из «черного песка» является основной статьей дохода предприятия моего одноклассника. В этой связи он посетовал, что чиновники Внешторга, зная об этом, постоянно требуют огромное количество дорогостоящих подарков для себя и своих родственников, однако все возрастающие аппетиты оправдывают тем, что им якобы надо давать взятки «на самом верху».

Счета за ужин в ресторане и за поездки на такси по городу прилагаю».

Самурай

Когда Андропов, закончив читать, поднял голову, Карпов увидел в его глазах огонь восторга от предвкушения мести. Это был сигнал, и генерал откликнулся на него, как пожарный конь, скачущий на звук сигнального колокола.

– Юрий Владимирович, складывается впечатление, что если какой-то иностранный предприниматель захочет разбогатеть, то ему надо всего лишь заключить контракт с нашим Мини-

стерством внешней торговли... А нам, контрразведчикам, как прибывшим на место автокатастрофы врачам, остается лишь констатировать смерть... Кого? Донора в лице Советского Союза... Кроме соцлагеря, революционных партий Латинской Америки и Африки, мы, оказывается, подкармливаем еще и Японию... Но не деньгами – драгоценным песком! Какое дьявольски изощренное воображение надо иметь, чтобы до такого додуматься! Нет, вы только представьте, сколько десятков тысяч тонн песка украла у нас «Икебуко» за время работы на песчаной косе! И ведь песочек-то, не просто черный – бриллиантовый! Ничего себе плодотворное сотрудничество!

– Почему «украло»? Предприятие оплачивает аренду в валюте... – будто невзначай, председатель подлил масла в огонь.

– Да в том-то все и дело, Юрий Владимирович, – все более распаляясь, затараторил Карпов, – что платят японцы лишь за аренду площадки, а стоимость похищаемого песка в арендную плату не входит. Получается, скорлупа – дороже самого яйца!!! Вы только представьте: за наем территории они платят копейки, а ценнейшая руда достается им даром! Доведись им закупать ее по мировым ценам, они бы вылетели в трубу! Не удивлюсь, если Внешторг затем закупает у «Икебуко» или у другой фирмы оптику и электронику, детали и составляющие которых изготовлены из тех самых редкоземельных металлов, что выплавлены из нашего «черного песка»!

– Так это не вина японцев, а их заслуга... Плюс преступное разгильдяйство головотяпов из Внешторга! – пожал плечами Андропов.

– На поверку выходит, Юрий Владимирович, что ребята из «Икебуко» нашу географию и залежи полезных ископаемых изучили лучше, чем чинуши из Министерства внешней торговли... Проблема, в конце концов, не в этом... Что мы будем делать с «Икебуко»? – Карпов с усилием потер тыльной стороной ладони лоб.

– Чтобы тебя, Леонтий Алексеевич, хоть как-то успокоить, расскажу тебе один исторический курьез.

Однажды незабвенный Лазарь Каганович, будучи членом Военного совета, выступал на слете бойцов-отличников Калининского фронта. Шел сорок третий год, и всех интересовал один вопрос: когда же союзники откроют второй фронт. На это Каганович ответил так: «Открытие второго фронта целиком зависит от одного человека – от Черчилля... Если бы Черчилль был членом ВКП(б), мы с товарищем Сталиным вызвали бы его в Кремль и сказали: или открывай второй фронт, или клади партбилет на стол!.. А так, ну что мы можем сделать?..»

– Усвоил? Но достать японцев все-таки есть возможность... и не только их, но и разгильдяев из Внешторга! Я ведь не зря тебе байку о партбилете рассказал... Его кое-кто из руководителей Министерства внешней торговли положит-таки на стол, не поможет даже то, что он является членом ЦК КПСС! Я об этом позабочусь лично...

Андропов, чтобы унять волнение, вынул из тумбочки кувшин. Резко поднялся и, расплескивая воду, стал поливать цветы. Успокоившись, неторопливо стал диктовать Карпову пункты плана оперативных мероприятий. В заключение сказал:

– Леонтий Алексеевич, срочно запроси нашу резидентуру в Токио – пусть представят данные о японском экспорте радиоэлектроники, компьютеров и оптики за последний год. Думаю, что со времени заключения «песчаного договора» с Внешторгом продажа Японией перечисленных товаров на мировом рынке стала одной из самых доходных статей ее бюджета, ведь «Икебуко» – наполовину государственное предприятие. Ну что ж! Вопрос о сдаче в аренду Внешторгом части нашей территории мы и рассмотрим на ближайшем заседании Политбюро... Председательствовать на нем буду я! Генсек, похоже, надолго занемог... Все, за работу! Ты, Леонтий Алексеевич, знаешь мой принцип: сочетать пессимизм знания с оптимизмом действий. Неважно, что я не удовлетворен нынешней ситуацией, надо работать!

Андропов подошел к своему рабочему столу, полистал календарь.

– Послушай, Леонтий Алексеевич, так ты у меня уже два года не был в отпуске... Не пора ли отдохнуть? Подписываю твой рапорт на отпуск с завтрашнего дня... Все, свободен!

– А как же информация из токийской резидентуры, товарищ председатель?

– Ну, это дело техники, справятся и без тебя... Отдыхай!

В это время раздался стук в дверь и вошел заместитель начальника шифровального управления.

Ознакомившись с телеграммой, Андропов поднял голову и с сожалением произнес:

– Отпуск отменяется, Леонтий Алексеевич... На время! Проведешь работу по французам – и свободен, как я тебе уже сказал... Н-да, нечего сказать, шустрые ребята, эти французы... Стоило только потеплеть климату в высших слоях политической атмосферы, я имею в виду намеченный на июнь совместный советско-французский космический полет, как французы тут же запросили поездку в категорически закрытую для иностранцев зону, в Майкопский район...

Андропов хлопнул ладонью по крышке стола и передал шифртелеграмму Карпову.

– Короче, работай, – подвел итог общению председатель, – закончишь и сразу уходишь в отпуск, договорились?

Как выяснится позже, Андропов лишь предполагал – располагали иностранные разведки...

Глава шестая

На краю провала

Многоэтажный дом по Ленинградскому проспекту, где находилась конспиративная квартира генерала Карпова, имел форму буквы «П» и занимал целый квартал. Каждая из трех составных частей фасадом выходила на разные улицы и имела свой порядковый номер. Арки в разных крыльях дома позволяли войти с одной улицы, а выйти на противоположную. Что и рекомендовалось делать посетителям явочной квартиры.

Попрощавшись с «Самураем» и заперев дверь, Карпов подошел к окну, из которого хорошо просматривался двор.

Едва агент достиг центральной арки, где запарковал машину, как рядом с ним, будто из-под земли, вырос мужчина. Это был капитан 3-го ранга Тосио Миядзаки, начальник отдела собственной безопасности (ОСБ) японского посольства. Профессионал многоопытный и коварный, он доставлял немало хлопот Службе Карпова. Портрет Миядзаки в различных ракурсах имелся в картотеке генерала.

* * *

Через полгода после того, как Тосио Миядзаки прибыл в Москву, Карпов предпринял попытку «потрогать его за вымя» – выяснить уровень профессиональной подготовки, сильные и слабые стороны, привязанности, чтобы определить возможность его использования в наших интересах, а если повезет, то и сходу установить с ним оперативный контакт.

Начали по традиции с того, что подвели к Миядзаки «ласточку», которой была поставлена одна задача: совратить!

Японец сделал вид, что готов обеими ногами ступить в капкан, а затем в него же и загнал обольстительницу, да так, что вытаскивала ее оттуда вся Служба Карпова.

Вслед за «ласточкой» на горизонте объекта появился «голубь сизокрылый» – смазливый мальчонка нетрадиционной сексуальной ориентации. Опять промашка.

Впервые безотказное оружие Карпова дало осечку. А ведь на женщинах и на «голубых» ломали и неподкупных аристократов англичан, и бесшабашных американцев, а тут все наоборот. То ли культура другая, то ли выучка иная. Зашли с другой стороны. Однако и на операциях с валютой и антиквариатом подловить Миядзаки не удалось, как ни пытались. На них «горели» и арабы, и турки, а тут вдруг – пустой номер!

Использовались все традиционные чекистские наработки, которые заставили бы любого другого иностранца искать покровительства у Комитета, толкнули бы его в наши объятия, но, увы! К японцу они оказались неприменимы. Он доказал, что у него иной уровень мышления, собственная ценностная шкала и вообще особое отношение к пребыванию на государственной службе.

Первое время после этих карповских «наездов» Миядзаки затаился. Выжидал, а затем сам перешел к активным действиям, продемонстрировав, что прибыл в Союз отнюдь не для того, чтобы стать добычей вербовочных устремлений КГБ. Он – охотник и сам не прочь побродить с ружьишком по московским уголкам в надежде подстрелить дичь – завербовать кого-нибудь.

Через некоторое время «наружка» зафиксировала конспиративный контакт японца с заместителем министра легкой промышленности РСФСР Платоновым, активно посещавшим дипломатические приемы в иностранных посольствах в Москве, в том числе и в японском.

По прошествии некоторого времени среди появившихся и тщательно скрываемых связей Миядзаки из числа советских граждан был выявлен некий научный сотрудник одного из «почтовых ящиков» в Мытищах, с которым японец также поддерживал подозрительные отношения.

Советским гражданам было сделано соответствующее внушение в лубяньских кабинетах, чтобы отсечь их от не в меру активного «охотника за головами», но что делать с ним самим? Его-то на Лубянку не пригласишь!

«Это уже перебор, господин капитан 3-го ранга! – решил Карпов. – Вы уже преступили все допустимые для гостя границы!»

Добыть порочащие иностранца материалы в тиши какого-нибудь ведомственного алькова под недреманным оком оперативных видеокамер уже не представлялось возможным. И тогда Карпов принял решение разделаться с ним раз и навсегда, прибегнув к компрометации *неудобного* японца.

Требовалось нечто неординарное.

По замыслу Карпова, надо было организовать публичный скандал, вслед за которым вопрос о пребывании Миядзаки в Москве решался бы не в кулуарах КГБ, а на уровне двух министерств иностранных дел – СССР и Японии.

Быстро сказка сказывается...

Казалось, Миядзаки неуязвим. Но... у каждого в шкафу «свой скелет». Найти его – вот в чем вопрос! И Карпов его нашел. Обложив японца, как лисицу флажками, круглосуточным наружным наблюдением, генерал отыскал брешь, даже не брешь – щелочку. Шеф посольской службы безопасности имел патологическую тягу к... русскому меду. Возможно, у него были неполадки в эндокринной системе или что-то на генетическом уровне. Все это – гипотезы, в которых Карпову недосуг было разбираться. Фактом являлись регулярные набеги японца в магазин «Дары природы», что на Комсомольском проспекте, где он закупал сразу целый боцочек янтарного лакомства.

Эту страсть Миядзаки тщательно скрывал от сослуживцев. Подтверждалось это обстоятельством, что кинжальный марш-бросок к магазину за очередной колодой меда он всегда совершал в одиночку. Было доподлинно известно, что, опасаясь провокаций, он никогда не появляется в общественных местах без сопровождения, а тут... Что ж, все правильно: свои слабости надо скрывать от окружающих. От «наружки» – тем более. Всякий раз, намереваясь посетить «Дары природы», японец предпринимал отчаянные попытки оторваться от «хвоста». Напрасно. Генерал Карпов был осведомлен о невинном пристрастии своего подопечного и ломал голову, как использовать это в своих планах.

* * *

Встреча, свидетелем которой стал Карпов, озадачила его. Сам факт появления начальника ОСБ вблизи явочной квартиры ничего хорошо не предвещал. Более того, все происшедшее утвердило генерала в своем решении избавиться от *неудобного* разведчика во что бы то ни стало.

«Оказаться просто так в этом дворе японский контрразведчик не мог – таких мест иностранные дипломаты, следуя жестким инструкциям, попросту избегают, – рассуждал генерал. – Конечно, инструкции для таких, как Миядзаки, не указ, потому что ими самими и пишутся, и все же... Настораживает то, как начальник ОСБ возник рядом с агентом. Самый отъявленный оптимист не рискнет назвать их встречу случайной. Конечно же, «Самурая» ждали! Ждали, чтобы, застигнув врасплох и используя фактор неожиданности, получить исчерпывающие искренние объяснения!

Тогда возникает другой вопрос: впервые ли агент явился сюда с «хвостом»? Похоже, что впервые. Более того, тот факт, что Миядзаки сразу решил выяснить обстоятельства появления

здесь «Самурая», свидетельствует о том, что ОСБ ему доверяет. Пока. В противном случае шеф посольской контрразведки никогда бы не подошел к агенту во дворе, а взял бы его в разработку. Стоп! А не мог ли японский контрразведчик попросту допустить ошибку, поторопившись раскрыть свои карты? Ну не компьютер же он – человек!

Все это выглядит логично, но на вопрос, как и почему здесь оказался Миядзаки, ответа не дает. Что же все-таки кроется за его появлением?

А если допустить, что «Самурай», следуя на явку, допустил беспечность: не заметил за собой слежку и приволок сюда шефа ОСБ? Хорошо, если это так! А почему бы и нет? Ведь практикуют же контрразведчики выборочные проверки всех посольских секретносителей, а «Самурай» исключением не является. Миядзаки незаметно сел ему на «хвост» и оказался здесь. А чтобы не откладывать дело в долгий ящик, ограничился получением объяснений на месте.

В том, что агент сумел убедительно объяснить причину своего появления в этом дворе, сомнений у меня нет. Легенда посещения явочной квартиры надежна, проверена и «Самураем» усвоена, как «Отче наш». Вопрос в том, поверил ли объяснениям агента Миядзаки?! Да, с этим капитаном 3-го ранга пора кончать, и как можно скорее! Ну что ж, подождем звонка от виновника переполоха».

* * *

Агент позвонил поздно вечером.

Разобрать, что он говорил, было невозможно: рядом с ним звучали мужские и женские голоса, играла музыка.

И неурочный час, и место, откуда звонил «Самурай», говорили сами за себя: агенту крайне необходимо срочно предупредить своего оператора, он опасается «прослушки», поэтому звонит от друзей.

Без лишних слов генерал стал называть номера. За каждым – заранее оговоренная ситуация или способ экстренной явки. Под номером «пять» значилась встреча в библиотеке Иностранной литературы в определенный час.

Когда Карпов назвал «пятерку», агент обрадовался и прокричал в трубку:

– Да-да! Именно это мне и нужно!

Во время короткой беседы в библиотеке «Самурай» поведал Карпову о том, что генералу было уже известно, – о неожиданной встрече во дворе.

– Вы мне лучше, Курусу-сан, скажите, как *ОН* вам объяснил свое появление там? – прервал агента генерал.

– А никак... Он сказал, что ехал по городу и вдруг заметил впереди мою машину... Ну и поехал следом, а потом дождался моего выхода... Все!

– Как он отнесся к вашим объяснениям по поводу посещения этого дома?

Вопрос был задан Карповым не из праздного любопытства – необходимо было проверить, сработала ли легенда.

– Вы знаете, Леонтий-сан, я в момент встречи с командором Миядзаки почему-то думал о женщинах... Поэтому сказал ему, что посещал свою подругу... Тысячу извинений, Леонтий-сан...

«Черт бы подрал этих «новобранцев»! – мысленно выругался генерал. – Заботишься о них, разрабатываешь им легенды прикрытия посещения явки, деньги тратишь, а они... А чего, собственно, я хочу? «Самурай» – вдовец, у него крайняя степень «спермоинтоксикации»... Поэтому он в свое оправдание и брякнул Миядзаки первое, что ему пришло в голову, напрочь забыв о легенде! Действительно, правы эндокринологи и сексологи: «Что у человека в голове

– то и в штанах. Что в штанах – то и в голове». Нет, с этим надо как-то бороться... Но не убеждениями же!»

Заставив себя улыбнуться, генерал спросил:

– И как отнесся к этому офицер безопасности?

– С пониманием, Леонтий-сан... Он даже сказал, что я могу пригласить свою подружку на прием в посольство... Это большая честь, ведь торжество организовано по случаю дня рождения наследника императора...

«Как же ты доверчив, Курусу-сан! Вот уж чего-чего, а наивности я от тебя не ожидал! Он же тебя проверяет, а ты за честь считаешь пригласить подружку на прием! И как это ты ухитрился не попасть в поле зрения Миядзаки, столько времени занимаясь контрабандой? Вот уж воистину, ты был контрабандистом поневоле, но чертовски удачливым!»

Карпов натянуто улыбнулся.

– И кто же будет вашей избранницей, Курусу-сан?

– Я не знаю, Леонтий-сан... Я по этому поводу и хотел с вами посоветоваться... Как говорят французы: «Ищите женщину!»

Генерал вмиг посерьезнел. Задача не из легких. Не потому, что в конюшнях Комитета не хватало резвых лошадок, способных и бедро, и походку показать даже на приеме у самого императора. Отнюдь! Надо было подобрать такую агентессу, которая соответствовала бы представлениям Миядзаки о наивной славянке. Он же ее специально пригласил. Смотрины станут для нее рентгеноскопией с Миядзаки в роли рентгенолога. Значит, нужна была «ласточка», которая не успела еще «засветиться», то есть не попадала в поле зрения контрразведчиков стран главного противника – США, Западной Европы и Японии. Спецслужбы этих стран регулярно обмениваются информацией о советских гражданах, подозреваемых в сотрудничестве с КГБ.

«А вообще, – подумал Карпов, – чего это я вдруг забеспокоился? Сама судьба ведет меня за руку! У меня появился шанс посадить «Самурая» под «колпак». Сейчас есть возможность подставить ему такую красавицу, которая сможет влюбить его в себя, привязать накрепко, а привязав, – постоянно контролировать. И ведь что удивительно! Не надо ломать голову и изобретать какую-то комбинацию, чтобы подвести «Распутину» к «Самураю» – он сам напросился в ее объятия! Значит, вы хотите взглянуть на подружку «Самурая», господин Миядзаки? Есть такая партия – агентесса экстра-класса!»

Чтобы скрыть от агента свой восторг от того факта, что в памяти сразу возникла подходящая кандидатура для смотрин, генерал нарочито недовольно спросил:

– И когда прием, Курусу-сан?

– Завтра! Начало в семнадцать часов...

– Ну что ж, завтра, так завтра... Вы завтра в 16.30 заедете на явочную квартиру и заберете свою подружку...

– А как...

Карпов не дал японцу договорить.

– А вот так! Если за вами увяжется «хвост», то он останется с носом... Вы ведь сказали господину Миядзаки, где живет ваша подружка? То-то же! Ищите женщину... Считайте, что на этот раз вы ее нашли!

Вдруг Карпова осенило.

«Стоп! А почему бы на приеме не произвести выстрел дуплетом: «Самураю» подставить «Распутину», а Миядзаки – «Эдиту»?! Она познакомится с командором на приеме. В посольстве он шархаться от нее не станет, так как чувствует себя в безопасности... Вот там-то его с ней и надо запечатлеть на память, а потом? Потом решим!»

– Вы знаете, Курусу-сан, не лишними окажутся еще два пригласительных билета... Можно ли добыть их без ведома господина Миядзаки?

– Без проблем!

– Хорошо... И если во время приема увидите рядом с Миядзаки знакомое вам женское лицо, не удивляйтесь и не подавайте виду. Так надо!

* * *

В тот же вечер Карпов провел еще две экстренные явки со своими блистательными «ласточками» – «Распутиной» и «Эдитой», чтобы отработать им линии поведения, которых они должны придерживаться на приеме.

«Распутина» и «Эдита» не были знакомы, и действовать должны были в автономном режиме.

Первая сыграет роль наивной и простодушной девушки из провинции. Своим поведением агентесса обязана убедить Миядзаки, что «Самурая» к ней влечет лишь ее красота и жажда женской ласки.

«Эдита» же во время приема подойдет к неуязвимому командору с бокалом шампанского и, пожелав наследнику престола долгие лета, выпьет вместе с Миядзаки.

Остальное скрытой камерой сделает технарь из Службы генерала Карпова.

Глава седьмая

Если противник неуязвим, его компрометируют?

В 13.30 Миядзаки запарковал свою «тойоту» у магазина «Дары природы» и двинулся за очередным бочоночком своего лакомства.

Узнав женщину, которая на приеме буквально не давала ему прохода, Миядзаки сначала опешил от неожиданности, но уже в следующее мгновение во весь опор мчался к оставленной на боковой дорожке машине.

Не тут-то было!

– Тосио-сан, дорогой, остановись, куда же ты! – закричала «Эдита» и ринулась вдогонку.

Любопытство замедливших шаг прохожих было вознаграждено сполна: пышнотелая красавица, будто сошедшая с полотен Кустодиева, гналась за воровато оглядывающимся мужичком с ноготок.

Едва только он юркнул в машину и включил зажигание, как был буквально вдавлен в сидение вспрыгнувшей к нему на колени женщиной. Свет в окошке заслонили пудовые гири ее груди.

– Тосио, я полюбила тебя с первого взгляда, а ты убегаешь от меня... Может, ты девственник?! – донеслось из распахнутой двери автомобиля.

Полку любопытствующих зевак прибыло. Невесть откуда появился репортер «МК» и направил объектив фотокамеры на автомобиль.

Попытки японца вытолкнуть бесстыдницу из автомобиля натолкнулись на яростное сопротивление. Он почти справился с рехнувшейся от страсти нимфоманкой и сбросил ее с колен, как вдруг она случайно нажала педаль газа. Взревев, «тойота» помчалась вперед и, преодолев бордюр, выскочила на тротуар. В последний момент японцу удалось дотянуться до руля, и он судорожно вращал им, пытаясь свернуть на проезжую часть улицы. Пока Миядзаки остервенело крутил баранку, чтобы избежать столкновения с пешеходами, «Эдита» стащила с себя платье, а спутнику разорвала ширинку на брюках.

Кульминация всей операции: агентесса зубами впиалась в крайнюю плоть инородца! Брызнула кровь, раздался нечеловеческий вопль, и «тойота» врезалась в стоящий на обочине грузовик.

Подбежавшим сыщикам «наружки» – загримированные под алкашей, они сначала стояли у входа в магазин, а затем гнались за потерявшей управление иномаркой – едва удалось отодрать женщину от обезумевшего от боли иностранца. При этом они не могли отказать себе в удовольствии и отвесили этому влиятельному лицу пару увесистых оплеух по его ставшей отнюдь не влиятельной физиономии. Отлились объекту слезы «наружки», сдерживаемые в течение полутора лет!

В милицейском протоколе, однако, было зафиксировано совсем другое: *«Японский дипломат, пытаясь изнасиловать гражданку Иванову, вошел в раж и в припадке садистского наслаждения детородным членом разорвал губы жертве своей патологической страсти».*

Вот до чего доводит импортный секс!

Когда Миядзаки и женщину выволокли наружу, затвор фотокамеры репортера из «МК» продолжал методично щелкать, а прохожим предстояло стать зрителями бесплатного экстравагантного шоу...

...Неславянской внешности господин стоял посреди улицы с приспущенными окровавленными штанами, слезно умоляя оградить его от посягательств сумасшедшей и оказать медицинскую помощь. Он уже не обращал внимания на «Эдиту». Совершенно нагая, она одной рукой вытирала перепачканные кровью губы, а второй обнимала корчившегося от боли «партнера» и ласково приговаривала:

– Ну, с кем не бывает, Тосио-сан... Сегодня не смог – не беда, завтра все у тебя получится!

Лихих «наездников» доставили на 2-ю Фрунзенскую улицу в 107-е отделении милиции.

Миядзаки предъявил свою аккредитационную карточку дипломата и потребовал вызвать консула. Заявил, что на него совершено разбойное нападение.

– То есть как – нападение? – возмутился дежурный лейтенант. – Вы что, господин Мудзаки, хотите сказать, что наши женщины вот так вот, среди бела дня, в центре Москвы, бросаются на дипломатов?! Может, они еще и сами раздеваются?!

С этими словами милиционер указал на «Эдиту», которая подбоченившись, стояла в одних туфлях посредине дежурной комнаты.

– Да-да, именно так! Я не знаю эту женщину, я первый раз вижу ее...

– Нет, вы только полюбуйтесь на этого негодяя! – закричала агентесса. – Позавчера он обещал жениться на мне, назначил свидание, а теперь, когда ему не удалось меня прилюдно изнасиловать, он уже меня не знает! Это что ж такое творится в Москве, товарищ лейтенант?!

Женщина щелкнула замком случайно оказавшейся при ней сумочки и швырнула на стол две фотографии. Это были снимки, сделанные во время приема в посольстве скрытой камерой карповским технарем. Прижавшись друг к другу, улыбающиеся Миядзаки и «Эдита» свели бокалы, наполненные пенящимся шампанским. Ракурс съемки был выбран так, что окружающих не было видно, и создавалось впечатление, будто двое влюбленных увлеченно воркуют, даже не замечая присутствия фотографа...

– И вы, господин дипломат, после этого утверждаете, что впервые видите эту гражданку?! Не ожидал, не ожидал я от вас такого... Будем составлять протокол!

Миядзаки все понял: плутни русской контрразведки.

С мольбой в глазах поверженного гладиатора он забился в угол и до приезда консула не проронил ни звука.

Через день он улетел из Москвы, но не потому, что японскому послу МИД СССР заявил решительный протест по поводу инцидента – ему предстояла серьезная операция по оживлению бесчувственного органа.

Неизвестно, какие аргументы контрразведчик представил в свое оправдание начальству, но в Союз он больше не вернулся.

Не последнюю роль в компрометации псевдодипломата сыграли и фотографии, сделанные репортером из «МК». Вместе с мидовским протестом они были вручены послу Японии в Москве.

Карпов торжествовал: «Карфаген пал – с ненавистным разведчиком покончено навсегда, за «аморалку» он выдворен из СССР!»

...«Распутиной» же в общении с другим японцем – «Самураем» – предстояла долгая и кропотливая работа...

Часть третья

Ненасытные блудницы

Глава первая

Гипнотизер-педофил

Из личного дела № 00000 агента Второго

главка КГБ СССР «Распутиной»

Впервые Валентина Борзых, по кличке «Сорванец», блестяще исполнила чужую роль в тринадцать лет, выступив на сцене майкопской филармонии, где давал представления заезжий гипнотизер Давид Блаво.

Короткая стрижка «а ля Гаврош», угловатые движения и размашистая походка, потерянные джинсы и рубашка-ковбойка, наконец, низкий голос и отсутствие всякого намека на грудь вводили в заблуждение окружающих – Валентину неизменно принимали за мальчишку. Давид Блаво не был исключением. Поэтому Валентина нисколько не удивилась, когда он выудил ее в числе других, как ему казалось, особо внушаемых мальчишек из зала, чтобы продемонстрировать свое искусство погружать людей в транс и лепить из них, как из пластилина, все, что требовала публика.

Построив ребят на сцене, гипнотизер медленно двигался вдоль шеренги.

Каждого подопытного он доверительно брал за руку, пронзительно смотрел ему в зрачки и ласково спрашивал имя.

Когда очередь дошла до Борзых, она без тени смущения ответила басом: «Валентин!»

Зал замер в предвкушении чуда. Даже когда на галерке кто-то, не выдержав напряжения, громко пукнул, в зале не раздалось ни смешка.

Через несколько секунд после начала священнодействия Валентина поняла, что команды гипнотизера лишь сотрясают воздух, а она при всем своем желании не в состоянии поддаться внушению. Появившееся легкое головокружение тут же улетучилось. По спине струился горячий пот, а внутри закипала ярость на себя и на артиста – гипнотический сон не наступал!

Чтобы не ставить в неловкое положение заезжую знаменитость, Валентина сквозь опущенные веки следила за стоящими рядом фигурантами, стараясь точь-в-точь повторять их движения. Когда раздалась команда: «Всем проснуться и открыть глаза!» девушка почувствовала смертельную усталость и безразличие ко всему происходящему. Странно, но именно вслед за последней командой ее стало клонить в сон. Она готова была уже покинуть сцену, как вдруг к ней резво шагнул гипнотизер.

Не обращая внимания на шквал аплодисментов, он схватил за руку ее и стоящего рядом женоподобного мальчика-херувимчика и повелительным тоном произнес: «Вы оба – за кулисы, быстро!»

В примерной гипнотизер рассадил их по разным углам в роскошные кожаные кресла, сам уселся к столу, на котором стояла початая бутылка шампанского. Угостил ребят вином и московскими конфетами.

Валентина пить не стала, только пригубила. Херувимчик смело опрокинул в себя бокал, потом еще... Выпив, он вмиг осмелел, робость от незнакомой обстановки и общения с властелином человеческой психики улетучилась, и его понесло...

Блаво, услужливо подливая мальчишке вина, подробно расспрашивал об ощущениях, которые испытывали ребята, находясь в гипнотическом транс.

Валентина отвечала односложно, ссылаясь на глубокий сон. Разумеется, она ничего не сказала о своем лукавстве. Зачем портить настроение такому гостеприимному человеку?

Херувимчик заливался соловьем, на ходу придумывая совершенно невероятные сюжеты снов, которые ему якобы довелось видеть в состоянии транса.

Артист, мастерски разыграв неподдельный интерес к его рассказу, придвинулся поближе...

Затем, пристально наблюдая за реакцией своих малолетних гостей, Блаво стал рассказывать непристойные анекдоты об отношениях мужчины и женщины в постели.

То ли от услышанных скабрзностей, то ли оттого, что артист стал ласково поглаживать его коленку, херувимчик густо покраснел и закашлялся. Валентина же – вот она, девичья ревность! – запрокинув голову, громко рассмеялась и неожиданно для себя хлопнула рассказчика по коленке. Панибратство гипнотизер воспринял как сигнал к действию. Тут же вскочил, засуетился и начал скороговоркой увещевать ребят:

– Валентин, Боренька, сейчас летние каникулы, вы свободны, а мне нужны два ассистента... Вы прекрасно держитесь на сцене, мы с вами можем неплохо заработать... А что? Покатаетесь, побываете в разных городах, узнаете, что такое жизнь актера... Завтра выезжаем в Ставрополь, далее – Краснодар, Сочи, Сухуми... Оттуда на поезде вернетесь домой. Думаю, вы уже достаточно взрослые, проблем с родителями не возникнет, вас отпустят... Ну, так как, идет?

Не дожидаясь ответа, скороговоркой добавил:

– Мне вот только еще один... испытательный сеанс надо провести с вами... Прямо здесь, прямо сейчас... Не будем терять времени! Значит так, уселись удобнее, расслабились... Начали! Я совершенно спокоен, моя голова пуста и свободна, мышцы лица расслаблены, руки и ноги наливаются тяжестью...

Все время, пока говорил Блаво, Валентина, зажмурившись, безучастно слушала знакомый речитатив, думая о своем. На этот раз не было ни ярости, ни ручьев пота по спине, только спокойствие, отрешенность и... любопытство. Вновь притворившись легко внушаемой, Валентина задавала себе один вопрос: «А что будет дальше?» Только поэтому она и не ушла сразу после услышанных анекдотов: «Фу, какая мерзость, а еще артист, гипнотизер!»

Вдруг раздался храп. Блаво тут же замолк, а Валентина, повинувшись внутреннему бессознательному толчку, открыла глаза.

Храпел херувимчик. Самозабвенно. С причмокиванием.

В тот же миг Блаво вскочил на ноги и бесшумно метнулся к расprostертому на диване телу. Тренированным движением расстегнул молнию на джинсах подростка. Со словами: «А повернись-ка, отрок!» – уложил его на бок. Рукой стащил с мальчонки джинсы и вонзил в него свою отвердевшую плоть. Валентина в ужасе сорвалась с кресла, плечом выбила дверь и сломя голову бросилась наутек.

...Целый вечер Валентина не находила себе места – искала, с кем бы поделиться увиденным, а главное – выяснить, что ж это за «любовь» такая, когда мужчина с мальчиком?!

Об интимной стороне отношений мужчины с женщиной она уже кое-что слышала от подруг, но чтобы мужчина с мальчиком... Это было в диковинку!

Увы, получить консультацию было не у кого – все подруги разъехались на каникулы. Оставалась престарелая бабка, с которой Валентина проживала после гибели родителей в автокатастрофе. Но бабке рассказывать опасно: в следующий раз может не пустить гулять одну – проклятый домострой!

А может, все-таки рискнуть? Была не была, расскажу! Должна же старуха понять детское любопытство и хоть что-то объяснить...

Бабка либо слукавила, либо сама была в неведении.

– Это ж надо додуматься, в живого пацана хреном тыкать! Ты это, слышь... Больше на сеансы – ни ногой, да и вообще дома сидеть надо!

Глава вторая «Русская ромашка» Из личного дела №-00000 агента Второго главка КГБ СССР «Распутиной»

Отклик и понимание своих забот Валентина нашла у соседки.

Мальвина Вишня была старше на пять лет и училась в Москве во ВГИКе. Приезжая на каникулы в родной город, она поражала воображение бывших одноклассниц ярко накрашенным ртом, рискованно короткими юбками, умением ходить на высоких тонких каблуках, бесстыдно покачивая бедрами, и вызывающе прилюдно курить длинные заморские сигареты с золотым ободком.

Провинциалки любовались плавными узорами ее движений и зачарованно внимали каждому ее слову, когда она, полулежа на кушетке, проникновенным низким голосом мурлыкала под гитару песни о безысходной любви и ностальгии белогвардейских офицеров, бежавших из России.

От Мальвины исходило какое-то жаркое томное свечение. Она вся, казалось, была переполнена желанием брать и давать любовь. О, в любви и страстях человеческих эта столичная мессия знала толк! Во всяком случае, она ненавязчиво подсказывала этот вывод, когда, симулируя всезнающую скуку, рассказывала о своих московских похождениях. Все время ее пребывания в Майкопе окружавшие девчонки только и делали, что жили ее влюбленностями и разочарованиями, беременностями и абортами. Она бескорыстно передавала восхищенному окружению весь набор искусных уловок, способных прельстить любого мужчину – как двигаться, как одеваться, как нужно красиво курить, как изящно давать деньги швейцару при выходе из ресторана и даже как отдаться выбранному на вечер мужчине.

– Девочки, – любила повторять Мальвина, – запомните, если и есть что-то красивое на Земле, так это преисполненное неги женское тело. Каждое утро начинайте с принятия ванны и беспрестанно повторяйте себе: «Господи, как я хороша! И какие все же счастливики те мужчины, которым я иногда достаюсь!» Жемчуг, чтобы он не терял своего блеска, надо носить на теле. Он впитывает вашу энергию и живет вместе с вами. Так и ваше тело, и вы в нем. Чтобы оно и вы жили полноценной жизнью, надо постоянно хвалить себя и свое тело. Поверьте, мое тело столько знает! Уверяю вас, достаточно любому мужчине провести со мной два дня и две ночи, и я заставлю его есть у меня с руки!

Для многих малолетних слушательниц общение с Мальвиной, с этой искусственной стервой, было своеобразным курсом сексуального ликбеза, и они со всем юношеским пылом и азартом бросались наперстывать, как им казалось, упущенное, а по сути, – реализовывать на практике чужой опыт. Прирученные Мальвиной девчонки на все смотрели ее глазами, с завистью повторяя про себя: «Господи, как хорошо быть такой красивой и все знать о жизни, шагать вперед, не зная поражений, источать любовь, получая в ответ взаимность, и наслаждаться, наслаждаться, наслаждаться!»

...Когда Валентина пришла в гости, Мальвина встретила ее, лежа в постели и превращая свое лицо в чудо косметического искусства.

Девочке показалось, что умудренная опытом «москвичка», сосредоточенно взглядываясь в зеркало, не слушает ее. Однако тут же убедилась в обратном.

– Знаешь, что я тебе скажу, Сорванец? Тобой не просто движет любопытство. Тебе не только хочется узнать о любви мужчины к мужчине, и почему этот гипнотизер воткнул свой член в мальчишку. Ты пришла, чтобы узнать, каким должен быть твой первый шаг, не правда

ли? У тебя в лобке уже горит пламя, а груди вот-вот лопнут от желания. Плоть – это кабала, это – вериги души. События в гримерной разбудили дремлющие в тебе инстинкты, и тебе наверняка с тех пор снятся голые мужчины с огромными членами. Только не говори мне, что это не так! Да, мир вокруг нас переполнен сексом. И вчера ты сама в этом убедились. Вчера для тебя была любовная трагедия – почему имели мальчишку, а не тебя... В тебе проснулась девичья ревность. Но ничего! Во-первых, этот артист – педофил, не больше. Тоже мне, нашла к кому приревновать! Наконец, первое страдание дает отроку зрелость и новый взгляд на окружающий мир. Не познав первого поражения, трудно карабкаться выше. Знаешь, один умный человек сказал: «Препятствия есть рождение возможностей. Будьте благословенны, препятствия – вами мы растем!»

Искусительница перевела дыхание и продолжила с энтузиазмом.

– Послушай, что я тебе скажу! Если ты сейчас же не займешься сексом, то потом будет поздно, а тем временем ты будешь медленно угасать и сатанеть, превращаясь из девчонки-недотроги в опасную ведьму...

Это придумала не я – психологи и сексологи. Я лишь проверила их теории на своем опыте... Плевать тебе, что ты выглядишь мальчишкой и тебя зовут Сорванцом, пусть тебя это не смущает. Ты очень мила, и год-два интенсивных занятий сексом превратят тебя в красивую женщину... Может быть, в самую сексапильную из тех, кого мне доводилось видеть, уж поверь моему опыту... Только я бы советовала тебе расстаться с этим провинциальным гнездом. Тебе нужен простор, ты расправишь крылья только на столичном небосклоне... Нет-нет, начать можно и здесь, но дальше...

– Что ты! – воскликнула Валентина. – Я – девушка!

– Твой маленький недостаток легко убрать большим мужским достоинством, – с философским спокойствием заметила Мальвина, – я, например, утратила невинность еще в пятом классе... Главное, чтобы первый твой мужчина был опытным в вопросах секса и... достойным!

– Нет-нет, я боюсь!

– Тоже мне, Сорванец! – с насмешкой сказала наставница. – Лазать по крышам и прыгать с третьего этажа не страшно, а?... Тогда я не понимаю, зачем ты ко мне пришла? Впрочем, выход есть...

И Мальвина рассказала, как сестры-школьницы адресировали домашнего кота – куда до них дрессировщику Куклачеву! – удовлетворять их похоть. Со своими обязанностями животное справлялось так ловко, что сестрам сама мысль о совокуплении с мужчинами казалась дикостью. Оргазма девицы достигали, используя пристрастие зверька к настойке валерьяны. Обильно окропив клитор валерьянкой, сестры укладывались на спину, раздвигали ноги и... отдавались коту. Он доводил их до экстаза, действуя своим шершавым языком. Удобно: продолжительность и частота актов определялись самими сестрами – успевай только подливать валерьянки! Кроме того, никакого риска забеременеть. Однако со временем кот превратился в наркомана и однажды, войдя в раж, когтями разодрал на кровавые лоскуты срамные губы одной из сестер. Пришлось даже вызывать «скорую» и накладывать швы на операционном столе в условиях стационара.

Но об этом наставница умолчала. Подумаешь, издержки сексуальных утех, к ним должна быть готова всякая стремящаяся к удовлетворению плотских желаний девушка!

– Скотоложество – не для меня! – отрезала Валентина.

– О, да ты, милая моя, не так проста, как кажешься! Вижу, ты всерьез интересовалась предметом. Похвально! Теорией ты уже овладела, дело за малым – перейти к практическим занятиям. Но это все-таки не скотоложество, а кунилингвус... В Швеции, к примеру, существуют специальные школы, где технике лизания клитора обучают овчарок, а потом их за большие деньги продают овдовевшим и незамужним женщинам или тем, чьи мужья не справляются со своими супружескими обязанностями. Но если тебе это не нравится, что ж, есть другой

вариант. Я пошла навстречу пожеланиям группы твоих сверстниц и кое-что придумала. Вернее, придумала не я – другие, но об этом никто не догадывается... Короче, я хочу открыть курсы полового просвещения... Если тебя не устраивает кошачий вариант – приглашаю! Тебе как девственнице – первый урок бесплатно!

Значит так, слушай. Сейчас в Москве все старшекласники увлечены разными сексуальными игрищами. Игру белогвардейских офицеров «русская рулетка» акселератки из старших классов заменили на свою, назвав ее «русская ромашка»... В ходе игры надо «крутить» не барабан револьвера, а головку члена...

И Мальвина с азартом начала рассказывать.

– Итак, пять-шесть девиц, уже познавшие удовольствие от совокупления с мужчиной, но по большей части – вчерашние девственницы, движимые любопытством и жадой познания своей и мужской физиологии, приглашают мальчика из числа школьных кумиров распить бутылку вина. Выбирают рослого, физически крепкого и внешне привлекательного парня – мачо.

После распития нескольких бутылок вина девочки, смеясь и подзадоривая друг друга и мачо поощрительными возгласами, начинают раздеваться, а «крупье» – хозяйка квартиры – предлагает делать ставки. В стеклянную, – чтоб было видно всем, – банку летят «трешки» или «пятерки» – размер разового взноса в «партийную кассу» зависит от достатка родителей девиц, участвующих в игре. Взнос сделан – делайте вашу игру, господа! Ничего не подозревающий, но уже достаточно захмелевший и приятно удивленный витязь вдруг оказывается без тигровой шкуры, веселясь, девицы разоблачают его донага и опрокидывают навзничь, торчащим членом вверх.

Соблюдая строгую очередность, девицы поодиночке усаживаются на повергнутого самца и вводят его восставшую плоть в себя, делая пять-шесть фрикций. Их количество под строгим контролем «крупье». За лишний мах виновница карается штрафным взносом в общую кассу. Закончен первый круг – снова «трешки» или «пятерки» летят в банку. И так до тех пор, пока молодой Бог напрокат не окатит спермой какую-нибудь участницу секс-карнавала. Счастливице достается вся «партийная касса»...

– Счастливице? – Валентина недоуменно повела головой.

– Еще бы! За один сеанс в стеклянной банке собирается от семидесяти пяти до ста пятидесяти рублей. О-очень приличный куш по нашим временам! А вообще-то, – загадочно улыбаясь, произнесла Мальвина, – в игре в «ромашку» существуют свои непреложные правила. Во-первых, одного и того же мальчика нельзя приглашать более трех раз...

– Почему?

– Да потому что он обязательно сговорится с какой-нибудь девицей и будет кончать только на ней. Он же отчислений из кассы не имеет – достаточно того, что ему бесплатно отдаются от пяти до десяти девиц за раз! А, договорившись с кем-нибудь из девчонок «упасть в долю», он будет иметь часть ее куша. Удобно двоим, а не коллективу... Мне-то все равно, я в любом случае не в проигрыше – мне идут комиссионные за аренду квартиры... А другим какво? Если постоянно будет выигрывать одна – остальные потеряют интерес и разбегутся... Ясно?

– А во-вторых?

– А во-вторых, никогда не приглашать таких, как ты – девственниц... На них всегда и кончают! Но для тебя я сделаю исключение... С деньгами небось туго?

– Да, только на бабкину пенсию и живем...

– А за родителей ты разве ничего не получаешь?

– Так отца же признали виновником аварии. Останься он жив, еще бы и остальным пострадавшим платил...

– Ну, вот и договорились! Завтра приходи – заработаешь. Я тебя последней в круг поставлю, так что касса будет твоя... А мне отдашь половину...

Глава третья

«Машина для оргазма»

Из личного дела № 00000 агента Второго

главка КГБ СССР «Распутиной»

Библия и «Камасутра»

К семнадцати годам Валентина, как и предрекала Мальвина, превратилась в красивую и эффектную женщину.

По окончании школы Валентина последовала за своей наставницей в Москву и поступила на актерский факультет ВГИКа, но через два года ее отчислили за непосещаемость – официанты элитных столичных ресторанов видели ее чаще, чем преподаватели.

Пороки, разбуженные в ней Мальвиной в Майкопе, буйно расцвели в столице.

Валентина, восторженная девица, пригубив в отрочестве из чаши греха, теперь стала пить из этого сосуда жадными глотками. За два года эпизодических посещений учебных классов ВГИКа несостоявшаяся актриса обзавелась целым гаремом любовников, где преобладали народные и обремененные лауреатством мастера важнейшего из искусств с Мосфильма. Их количество не поддавалось подсчету – студентка-куртизанка «работала» с размахом, нещадно опустошая карманы любовников. Престарелые мэтры кино не возражали. Их покладистость объяснялась просто: стремясь обрести второе дыхание на закате своей физической и половой активности, они на красивых и уступчивых студенток, которым не исполнилось и 20 лет, денег не жалели.

В коллекции новоявленной дивы из провинции сверкали даже такие драгоценные камни, как Сергей Мартинсон и Михаил Жаров – в конце 1970-х Валентина оказывала им эскорт-услуги – ее не раз видели в обществе обоих мастеров кинематографа в Сочи. Что ж, все объяснимо – старые быки не только находят дорогу к молодым телкам, но и борозды не портят!

Клиенты передавали свою юную, но поднаторевшую на сексуальном ристалище наперсницу, как божественный дар – из рук в руки, однако за глаза называли Валентину «машиной для оргазма». Их жены, бьющиеся в бессильной злобе за подорванный семейный бюджет, дали ей прозвище «половая бандитка».

Бесконечные любовные похождения Валентины неизменно заканчивались шумными скандалами. И лишь потому, что Валентина, девушка вулканического темперамента, все делала слишком. Если влюблялась, то безоглядно, если напивалась, то вдрызг, если отдавалась, то без остатка...

После многих скандалов она стала осторожнее и конспиративнее – на какое-то время ее имя перестало быть на слуху. Но длилось это недолго, ибо кудесники советского экрана, не в силах устоять перед соблазном обладать новоявленной нимфой, гонялись за ней, как свора кобелей за сукой во время течки.

Мальвина относилась к похождениям подруги философски и на упреки ортодоксов неизменно повторяла: «Библия учит нас любить людей, «Камасутра» показывает, как это делать. А Валюша лишь анимирует библейские постулаты и индийский трактат, что ж тут не понятного!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.